

Нэт Прикли
Племя
Серия «Мир Пауков Колина Уилсона», книга 9

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158112
Племя: АСТ, Северо-Запад Пресс; Москва, Санкт-Петербург; 2002
ISBN 5-17-011914-3

Аннотация

Один из самых известных фантастических сериалов, начало которому положили произведения знаменитого британского писателя и мыслителя Колина Уилсона, получил свое продолжение в работах отечественных авторов.

Мир, где Земля полностью преобразена после космической катастрофы.

Мир, где пауки обрели волю, разум и власть.

Мир, где обращенный в раба человек должен вступить в смертельную борьбу, чтобы вернуть себе свободу.

Мир пауков становится **нашим** миром.

Содержание

Часть 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Прикли Нэт Племя

Часть 1 Море

Паруса выскальзывали из-под пролета моста один за другим – первый, второй, третий... После появления одиннадцатого Найл сбился и перестал считать. Он и так знал, что Назия ведет обратно из Золотого мира целыми и невредимыми все корабли – мысленный контакт с возвращающимся флотом установился еще вчера вечером. Посланник Богини крепче сжал руку жены и оглянулся.

Позади стоял ровный ряд копейщиков: плотно сомкнутая стена щитов, над которой сверкали ярко начищенные шлемы и широкие наконечники копий. Принявших клятву на верность Найлу северян прикрывали с флангов по трое жуков-бомбардиров. Справа и слева от правителя замерли ряды смертоносцев, занявших все пространство широкого спуска к реке, из-за чего даже Тройлеку, управителю города, не нашлось места на земле, и он, с несколькими из своих восьмипалых сыновей, стоял на стене высокого каменного пакгауза. Все выглядело так, словно на причалах ожидают то ли высадки опасного сильного врага, то ли визита могущественного монарха. Вот только Ямисса стояла в простой тунике, прошитой алой лентой, а не в тяжелом золотом платье.

За спинами копейщиков маячили головы торговых людей. В большинстве своем северяне, они мужественно терпели полуденную жару в ожидании возвращения флота.

Собственно, ради них Найл и решился на все это представление: почетный караул для моряков возвращающихся кораблей, оцепление причалов, личное присутствие... Впрочем, сам бы он в любом случае пришел. Вот только без копейщиков, братьев по плоти и нескольких сотен смертоносцев. Однако правителю требовалось убедить купцов в том, что где-то за морем есть богатая страна, с которой очень, очень выгодно торговать, и он вынужденно вел себя так, как будто встреча нагруженных товаром судов – важнейшее событие для Посланника Богини, Смертоносца-Повелителя, человека, правителя Южных песков и Серебряного озера, одитор триединого Бога, как пышно звучал его полный титул. Ничего, если торговый путь проляжет через город пауков к морю и дальше, в новые земли – все старания окупятся с торицей на много поколений вперед.

Найл повернул голову к жене, улыбнулся. Ямисса улыбнулась в ответ.

– Пойдем, посмотрим что привезла Назия на этот раз.

Первые из судов уже подходили к причальной стене, на носах и корме стояли моряки с канатами в руках.

Еще несколько минут – и корабли замрут, надежно принайтованные к твердой земле...

Чета правителей стала спускаться на причал, в сопровождении только Дравига и Поружа – двух старых воинов, командиров воинских подразделений пауков и людей, еще несколько лет назад сражавшихся друг с другом, а ныне оказавшихся защитниками одной и той же земли.

Третьим сопровождающим пристроился Тройлек. Смертоносец не столько стремился оказаться рядом с Посланником, сколько торопился узнать, какими новыми богатствами удастся пополнить государственную казну.

Моряки торопливо выпрыгивали через борт на гладкие доски, становились плечом к плечу и замирали, преданно глядя в лицо правителя. Найл отметил, что у многих из них на

руках сверкали золотые браслеты, на пальцах – толстые кольца, на потрепанных туниках сверкают золотые побрякушки и мысленно похвалил Назию за предусмотрительность: все правильно, пусть гости видят, что после похода за море любой раб имеет возможность красоваться в золоте.

Морячка покинула корабль последней. Одетая в золотую юбку, собранную из мелких золотых колечек и жилетку из золотых же пластин, прикрывающую плечи и грудь, она окинула своих подчиненных критическим взглядом, встала на шаг впереди строя и тоже замерла.

– Рад видеть тебя, Назия, – шагнул к ней правитель и порывисто обнял. – Очень рад!

– Здравствуй, Назия, – куда более сдержанно кивнула Ямисса. – Как прошло путешествие?

– Больше всего Золотому миру нужны ткани и дерево, – тут же принялась отчитываться морячка. – За них они готовы платить золотом едва ли не на вес. Еще им наверняка понадобится керамическая посуда, но уже не так дорого...

– О делах потом, – остановил ее Найл. – Дай своим морякам дня три отдыха, они его заслужили. Тройлек организует разгрузку кораблей без них.

Назия кинула на смертоносца настолько подозрительный взгляд, что Посланник поспешил добавить:

– Разумеется, все будет происходить под твоим контролем. Что поделать, такова доля руководителя: он вынужден работать даже тогда, когда подчиненные отдыхают. Однако за твои заслуги я готов дать тебе такую награду, какую ты сама пожелаешь.

– И вечером обязательно приходи во дворец, – торопливо добавила княжна, – там будет прием в честь вашего возвращения.

Ямисса давно подозревала, какую награду привыкли получать слуги города пауков от своих правителей, и не дала морячке произнести ни слова. Пусть подумает на досуге и выберет что-нибудь более приземленное и корыстное. Можно даже подослать к ней советчика с намеком на что-нибудь конкретное. Почему бы, например, командующей флотом не обзавестись в городе собственным домом?

Найл, ощутив мысли супруги, улыбнулся, но говорить ничего не стал.

Если княжна соскучилась по балам и приемам, пусть развлекается. А моряки пусть гуляют по городу, хвастаются золотом и рассказывают небылицы о своем путешествии. Чем больше приврут заезжим купцам, тем больше товара в ближайшие месяцы прибудет в стены города.

– Дравиг, – мысленно окликнул правитель старого паука, – выстави на улицы дополнительные посты смертоносцев. Пусть следят за безопасностью наших путешественников. Как бы кто-нибудь из приезжих двуногих не погорячился из-за жадности. Среди людей такое случается.

* * *

В отличие от князя Граничного, отца Ямиссы, Найл устраивать торжественные приемы не умел, смысла их не понимал, а потому подобные празднества не любил. Впрочем, ничего удивительного: если тесть вырос при дворе с младенческих ногтей и впитал законы поведения в плоть и кровь, то правитель паучьего города почти всю свою жизнь провел в пустыне, в отбитой у гигантского тарантула пещере, а на трон попал волей случая – сперва угодив смертоносцам в рабство, а затем снискав милость Великой Богини Дельты. Впрочем, для такой «случайности» имелась весьма существенная основа: Найл смог полностью реализовать возможности человеческого мозга, и ничуть не хуже пауков умел читать чужие мысли, метать парализующие и волевые импульсы, видеть ментальный план этого мира. Он

научился гасить собственный разум во имя познания внешнего мира – за что и получил право на власть не только от Богини, но и от бывшего, «восьмипалого» Смертоносца-Повелителя.

Тем не менее самой большой удачей в своей судьбе Найл считал женитьбу на дочери могучего соседа. Княжна же Ямисса дворцовые праздники любила, искренне им радовалась, а потому Посланник не мог отказать ей в этих маленьких радостях.

Как и обычно, одетая в длинное парадное платье, полностью собранное из золотых чешуек, колечек и пластин – подарок Верховного одитора Золотого мира – княжна приковывала к себе всеобщее внимание, снисходительно принимая знаки внимания, почтения и откровенную лесть, а Найл, в обычной тунике и подпоясанный мечом, растворился в толпе, неотличимый от обычных телохранителей. Зато он имел возможность легкими касаниями к сознаниям гостей узнавать их задумки, надежды и цели визита в Южные пески.

Если в северных землях на приемы в большинстве своем попадали двуногие дворянской крови, то здесь, в сердце пустыни, гостей благородной крови можно было пересчитать по пальцам – да и то в основном представителей обедневших родов, надеющихся поправить дела родовых гнезд торговыми операциями. Основную массу людей составляли именно купцы – заезжие из княжества, из холодных снежных земель, о которых ходили самые нелепые слухи, из независимых горных баронств, из только-только начавшей оправляться после долгой войны Вересковой долины.

С Найлом почти никто не раскланивался – внимание людей приковывали высокий трон и золотое платье княжны, и парадные доспехи шерифа Поруза, возвышающегося слева от Ямиссы. Старый воин ни на мгновение не снимал руку с рукояти меча, словно с минуты на минуту ожидал нападения на госпожу.

Между тем в сознаниях и разговорах присутствующих первое место занимали золотые безделушки моряков.

Подчиненные Назии уже успели выменять на них различные поделки, показавшиеся им куда более полезными, чем кусочки золота, набить свои животы всякими вкусностями, обновить обувь и одежду. Прошедший день успел обогатить немало присутствующих торговцев, и теперь они жмурились в предвкушении прибылей от новых походов за море.

Основное же беспокойство вызывали слова командующей флотом о том, что в Золотом мире хотят покупать древесину. В пустыне каждый кусок дерева был на счету – а значит, лес нужно везти от Серебряного озера или из княжества, из-за снежных вершин Северного Хайбада.

Посланник Богини улыбнулся: его план начал давать свои плоды. Почувявшим наживу торговым людям понадобятся склады, рабочие руки, корабли, дома – и все это понадобится именно здесь, в городе пауков. Они начнут отстраивать его город сами, без малейшего понукания или просьб и обещаний. Все, что потребуется от них с Ямиссой – это просто не мешать.

Правитель остановился рядом с дверью в коридор, огляделся. Вроде, внимания на него никто не обращает. Найл толкнул тяжелую створку и выскользнул наружу.

* * *

Крыльцо дворца охраняло шестеро воинов: по паре жуков-бомбардиров и пауков-смертоносцев с каждой стороны, и еще двое пауков, занявших позицию на стене под самой крышей. Найл послал им короткий мысленный импульс приветствия, получил ответный.

Посланник ощутил в сознаниях собеседников удовлетворение от того, что правитель не веселится вместе с прочими двуногими, а вышел на темные улицы, дабы увидеть восьмипалых подданных. Для насекомых это стало лишним подтверждением того, что новый Смертоносец-Повелитель, хотя и выглядит человеком, но на самом деле является более развитым существом.

– Мы все равны, – ответил им правитель, однако и сам ощутил в собственном импульсе оттенок официальности, неискренности. Может, в душе он и вправду считает себя пауком?

Воины не ответили, однако Посланник прекрасно знал, что его слова уже известны всем смертоносцам, находящимся в городе и на расстоянии нескольких дней пути от него: восьмилапые всегда находятся в мысленном контакте друг с другом, что знает или видит хоть один, мгновенно становится известно всем остальным.

Правитель повернул налево и, наслаждаясь ночной прохладой, неторопливо двинулся в сторону Черной башни. Позади ощутилось легкое движение – пара смертоносцев шагали следом, оставаясь на некотором удалении.

Ничего не поделаешь – звание Посланника Богини не только дает права, но накладывает некоторые обязательства. Найл уже забыл, когда в последний раз оставался в одиночестве, вне досягаемости глаз или ментальных полей своих телохранителей.

По счастью, эту роль исполняли пауки, и человек мог не очень стесняться своих естественных потребностей и желаний.

Найл прошел по тихим улицам, слегка подсвеченных окнами домов, пересек широкую площадь и поднялся на Черную Башню. После того, как его покои с ним навсегда разделила Ямисса, правитель предпочитал погружаться в ментальный мир именно здесь, в полном одиночестве, защищенный от любопытствующих двуногих и жуков многочисленными постами смертоносцев, защищающих свое главное святилище.

Но сегодня Посланник не стал закрывать глаза и изгонять из своего сознания бесконечную череду мыслей. Нет, он встал у одной из бойниц и вгляделся в теплый ночной сумрак.

Над обширным кварталом рабов горело множество алых точек. Увы, после короткого владычества северян квартал так и оставался мертвым, но в обширной заводи, образовавшейся после взрыва арсенала раскачивался флот Смертоносца-Повелителя. Он не стал больше, чем это было три года назад, но и не уменьшился.

Примерно треть кораблей за это время оказались заменены новыми, на капитанской площадке каждого занимал свое место обученный паук, а команды были укомплектованы вплоть до последнего матроса.

Напротив заводи отражалось в воде всеми окнами восьмиэтажное здание. Остров детей.

Три года назад малыши заполняли только два этажа, а каждое рождение здорового ребенка считалось большой удачей. А теперь ночники отражаются алыми бликами в окнах от подвала до самой крыши.

Между островом и городскими кварталами темнела широкая полоса, но правитель знал, что именно там находятся казармы рабов. Или, как называл их Шабр – совершенных двуногих.

Теперь, зная о трудолюбии и исполнительности олигофренов, Найл тоже не очень понимал, почему этих людей в древние времена считали неполноценными. В городе пауков они трудились по двенадцать часов в сутки в ткацких мастерских, в ангарах воздушных шаров, на казенных верфях, составляя основу экономики.

Чуть дальше отражал свет звезд купол Дворца Единения. Когда-то советник Борк, стремясь достичь гармонии между людьми и пауками, смог насадить двуногим веру в перерождение: как плод в женской утробе умирает, превращаясь в человека, так и человек умирает на Празднике Единения, обретая новую жизнь в облике смертоносца. Подданные советника привыкли смотреть на восьмилапых, как на свое будущее, как на возродившихся в высшей ипостаси дедов и прадедов.

В свое время Найл попытался прекратить эти торжественные обряды поедания танцующих от счастья людей, встретил отчаянное сопротивление двуногих, вообразивших, что их лишают бессмертия, и отступил. Он разрешил Праздники Мертвых, но при условии, что

на обряды допускаются только те, кто старше сорока лет, кто имеет детей и оставляет им прочное хозяйство. Как ни странно, именно возможность переродиться превратила верующих в самых образцовых из подданных: плохое поведение влекло неминуемую кару в виде естественной смерти.

Слева от дворца светились множеством окон кварталы ремесленников и торговцев.

Переселившиеся сюда при правлении князя, эти северяне сами воспитывали своих детей, настороженно относились к жукам и смертоносцам, вели свои дела как хотели и в любой момент могли покинуть город. Они не были рабами Посланника, но все равно трудились на его благо, возрождая почти погребенные пустыней земли к новой жизни, выплачивая налоги, покупая у казны ткани, деревья-падалицы, изготавливаемые Демоном Света керамические поделки.

Контрастом залитым светом улицам города оказался отдельно стоящий квартал жуков-бомбардиров. Когда-то этот анклав мог на равных сражаться с самим Смертоносцем-Повелителем, а ныне приходил в запустение, не в силах ничего противопоставить нашедшему новые пути развития городу.

Город пауков рос, он набирал силу, он оттеснял пески и поднимал на старых фундаментах новые дома. Внезапно Найлу захотелось спуститься вниз, в скрытые под Черной Башней пещеры памяти, оживить старого Смертоносца-Повелителя и показать ему все это: пусть знает, что он не ошибся, доверяя высокий титул двуногому, а не пауку, что эти земли удалось отбить у захватчиков и дать им новый толчок к развитию...

Увы, мертвые не умеют радоваться. Они лишь наслаждаются покоем и согласны заглядывать в этот суетный мир лишь в случаях самой крайней необходимости.

Над стеной внезапно появился силуэт смертоносца:

– Княжна встревожена твоим отсутствием, Посланник.

Не то чтобы «княжна просит вернуться», а «княжна встревожена»! Значит, Ямисса еще не догадалась отдать приказ разыскать супруга. Просто в ее сознании появились тревожные нотки, мгновенно опознанные охранниками. Скорее всего, это Дравиг решил предупредить правителя, не доводя дело до тревоги.

– Хорошо, я уже возвращаюсь, – кивнул Найл. – Передай Дравигу, что завтра утром, на совете, я хотел бы увидеть не только его, но также и Назию, Шабра, Хозяина, шерифа Поруза и Привратницу Смерти.

* * *

Цель совета, собравшегося на утро после возвращения флота, была понятна всем – появившихся за последний месяц паучат и детей следовало отвезти в Дельту, дабы ускорить их рост. Туда же отправлялись и самки жуков-бомбардиров: на берегах Светлой реки они откладывали свои яйца. Процедура отправления детей в Дельту повторялась на протяжении последних полутора лет, позволив городу за считанные месяцы обрести тысячи взрослых сограждан, ставших крестьянами, моряками, воинами, ткачами, плотниками. И вот, похоже, настало время прекратить вынужденный обряд.

– Наш город стал достаточно сильным, чтобы его судьба не зависела от лишней пары рук, – начал говорить Найл, выйдя перед троном. – За эти полтора года мы лишили детства целое поколение, тысячи и тысячи братьев, ставших взрослыми в течение нескольких десятков дней.

Употребив слово «братьев», правитель сопровождал его мысленным импульсом, имеющим значение: «людей и пауков».

– Я вспоминаю свое детство, – улыбнулся Найл. – Оно прошло в пустыне, в тесной норе, я постоянно испытывал голод и жажду, но тем не менее воспоминания о детстве вызы-

вают у меня радость. И сейчас я не уверен, имеем ли мы право лишать этой радости наших детей и будущих граждан нашего города. Что скажешь, Ямисса?

Он положил ладонь на руку супруге. После закончившегося далеко за полночь бала княжна не стала ранним утром облачаться в золотое платье и сейчас сидела в одной длинной тунике – точно в такой же, в какой предстала перед ним в первый раз.

– Я согласна, – кивнула правительница. – Мне не хотелось бы, чтобы мой ребенок становился взрослым через год после рождения. Боюсь, мы лишаем наших подданных самого главного. Того, что привязывает их воспоминания к дому, к родному поселку или к городу. К тому, что позволяет им впитать понятие Родины. А как ты считаешь, Поруз?

– Я считаю, что истинный воин должен быть предан своему слову, своей клятве на верность, – положил шериф руку на рукоять меча, – но если вас интересует мое мнение, то я согласен с правителем и его супругой. Мало-мальски приличного бойца нужно воспитывать не меньше трех лет. В идеале даже – лет семь-восемь. Самый лучший путь такого воспитания, это дать меч ребенку в возрасте трех-четырех лет, и оставить его в качестве главной игрушки. Только тогда мальчик вырастает настоящим воином. Взрослого мужчину учить уже поздно – он воспринимает необходимые навыки намного хуже.

– А ты что скажешь, Шабр? – повернулся Найл к восьмилапому ученому, всю жизнь потратившему на выведение здоровых пород двуногих слуг и воспитание детей.

– Согласен, – ответил паук уверенным импульсом. – Мы приобретаем взрослых людей, но теряем в их качестве. За несколько месяцев двуногого невозможно воспитать так же, как за несколько лет. На подобный ход можно было соглашаться как на временную меру, а не постоянную практику.

– Тогда я немного изменю вопрос, – кивнул Найл. – Я предполагаю, что в ближайшее время флот нашего города возрастет примерно на треть. Мы сможем набрать нужное количество моряков, если не станем отправлять детей в Дельту?

– Я могу снять часть опытных моряков со старых судов и перевести их на новые, мой господин, – подала голос Назия. – Если мне дадут пару сотен молодых матросов, можно даже необученных, я справлюсь.

– Такое количество двуногих я смогу выпустить с острова, – признал Шабр.

– А каково твое мнение, Дравиг? – обратился правитель к старому воину, волосы на хитиновом панцире которого за десятки лет успели полностью выцвести, а сам панцирь покрылся сеткой старческих трещин.

– Я думаю, Посланник Богини, – ответил паук, – что настала твоя очередь отдать долг Великой Богине, проявившей ко всем нам столько милости.

Смертоносец вступил с Найлом в прямой мысленный контакт, и правитель услышал свой собственный разговор с Великой Богиней Дельты, состоявшийся полгода назад.

Именно тогда ему не без труда удалось избавиться от группы «предков» – кучки людей, вернувшихся со звезд, и попытавшихся с помощью оружия насадить старые, дикарские порядки двадцать первого – двадцать второго веков. Найл опасался мести их оставшихся на звездах родичей и обратился к Богине за советом. И она пообещала сдвинуть со своей орбиты всю Солнечную систему, чтобы ее невозможно было найти. Однако одна Богиня и четверо ее подруг, выросших в разных местах Земли не могли справиться со столь сложной задачей. Им требовалось помощь как минимум еще двух десятков взрослых Богинь. Если Найл хотел обеспечить безопасность своим потомкам – он должен найти непроросшие споры, принесенные кометой Опики и прорастить их.

Сейчас Дравиг подчеркивал не то, что прорастание спор могло помочь планете избавиться от незваных гостей, а то, что Великая Богиня хотела их прорастания.

– Великая Богиня Дельты умеет ждать, Посланник, – пропечатал седой паук свою мысль в сознаниях всех присутствующих. – И пока городу грозила серьезная опасность,

она не напоминала о своем желании. Однако теперь мы обязаны ответить добром на все ее милости и выполнить свой долг. Ты, Ее Посланник, и все мы, живущие благодаря Ее щедрости обязаны найти непроросшие семена и помочь им пробудиться к жизни, как того желает наша Богиня.

– Да, мы обязаны сделать это, – немедленно согласился Шабр.

– Давно обязаны сделать это, – подтвердил Хозяин, жук-бомбардир все подданные которого родились в Дельте уже взрослыми жуками.

– Это наш долг, – испустил импульс согласия даже Тройлек, обычно озабоченный только прибылями и убытками казны, и размерами продовольственных припасов.

– Это будет правильным поступком, – послышался из-под серого капюшона голос Джариты, Привратницы Смерти.

– Мы все в долгу перед Богиней, – признала Назия.

– Какое трогательное единодушие, – не смог сдержать удивления Найл. – Ничуть не удивлюсь, если окажется, что Великая Богиня ощутила нашу решимость и готова рассказать, где лежат ближайшие из спор.

Дравиг ощутимо напрягся, и Найл, точно так же, как тысячи и тысячи смертоносцев услышал его призыв к объединению сознаний в единое целое. Все восьмипалые города одновременно испустили ментальный импульс, обращенный в Дельту.

Обычно на таком огромном расстоянии установить мысленный контакт не удавалось никогда, но на этот раз вопрос оказался слишком важен для Богини.

Могучий разум, жизненное излучение которого, его аура, стимулирующая рост всего живого, распространялись едва ли не на треть планеты, откликнулся почти мгновенно. Наверное, этого и следовало ожидать: раз уж в тысячах километров от Дельты энергетика Богини превышает энергетику любого живого существа, значит и мысленный импульс ее способен дотянуться до самого дальнего уголка Земли.

Тронный зал наполнился серебристым светом, сделавшим все предметы, все очертания более яркими и рельефными, а затем в сознаниях каждого из присутствующих вспыхнула четкая картинка, простая и понятная для всех: яркий свет в центре, множество маленьких огоньков немного в стороне, и еще три искорки, горящих в разных местах. Если россыпь огоньков означала их самих, то до ближайшей искры получалось расстояние раз в двадцать больше, чем от Дельты до города. Причем сверкала она где-то на севере, за бескрайними песками, тянувшимися на запад от хребтов Хайбада. Две другие светились далеко на юге, в совершенно неизведанных местах.

– Я готова выйти в море немедленно, – четко доложила Назия. – Сразу после того, как получу воду и продовольствие.

– Нет, – покачал головой Найл. – Оставить город без кораблей мы не можем. Именно сейчас в них и возникнет наибольшая потребность. Подготовь, скажем, три судна. Три лучших корабля с опытными командами.

– Пусть это будет одно крупное и два средних, на случай, если высаживаться придется через отмели или подниматься вверх по рекам, – уточнила Назия.

Посланник кивнул.

– Тогда я смогу взять на борт полсотни пауков или три десятка людей, – сообщила морячка, и уточнила: – Для двуногих потребуется дополнительное продовольствие и вода.

– И тем не менее, их придется взять, – предупредил Найл. – Мы уже не раз убеждались, что поодиночке люди и пауки намного слабее, чем вместе. Тем более, что братья по плоти уже успели соскучиться по настоящим походам. Ты сможешь принять на суда два десятка человек и столько же пауков?

– Если вы прикажете, мой господин, – скромно склонила голову женщина, а Посланник поймал ее мысль о том, что людей, в принципе, можно кормить и пойманной в пути рыбой.

– Я настаиваю, чтобы в священной миссии приняли участие представители рода жуков! – вмешался в разговор Хозяин. – Мы не меньше всех остальных любим Великую Богиню и желаем послужить во имя ее блага!

– Назия, ты найдешь место для четырех жуков-бомбардиров? – поинтересовался у нее правитель.

– Только вместо людей, – предупредила морячка.

– Пусть будет так, – кивнул Найл. – Сколько времени потребуется для снаряжения кораблей?

– Если уважаемый советник Тройлек вовремя предоставит припасы, то два дня.

– Вы можете получить их хоть сегодня, – откликнулся управитель.

– Значит, мы отплываем послезавтра. Рад видеть перед собой прежнего Посланника Богини, – не удержался от похвалы седой смертоносец.

– К сожалению, Дравиг, на этот раз тебе придется остаться, – развел руками Найл. – Теперь мы не бездомные беженцы, какими являлись два года назад. Мы не можем все вместе бросить город и отправиться в плавание. Я хочу, чтобы ты остался и помог моей жене в выполнении обязанностей правительницы. Ты много лет отдавал смертоносцам приказы от имени Смертоносца-Повелителя, от имени Посланника Богини. Теперь ты должен находиться рядом с Ямиссой, помогая понять ей нужды пауков, а паукам – ее желания.

– Хорошо, Посланник, – Дравиг отнюдь не испытал удовольствия от подобного распоряжения, но логичный ум паука не мог не признать правоты правителя.

– Ты, Шабр, сейчас намного нужнее на острове детей, нежели в чужих землях. Никто не сможет воспитать новое поколение людей так же хорошо, как ты.

– Как прикажешь, Посланник.

– Мой господин, – выступила вперед Назия, – могу я напомнить вам о вашей вчерашней клятве?

– Разумеется, – кивнул Найл.

– Вы обещали в награду за удачный поход выполнить любое мое желание.

– Да, я помню.

– Тогда я прошу вас позволить именно мне командовать уходящими к семенам Богини кораблями.

Видя, как Посланник решительно оставляет на берегу своих старых соратников, морячка всерьез испугалась точно такой же участи.

– Пусть будет так, – вздохнул правитель. – Надеюсь, без тебя твои капитаны не заблудятся на пути в Золотой мир?

– Нет, мой господин! – для женщины все стало ясно, и она выбежала из тронного зала.

– Раз уж ты оставляешь меня на попечение своего лучшего воина, дорогой, – княжна поправила выбившуюся прядь волос, – тогда возьми с собой того, кто берег меня с самой колыбели, служа верой и правдой. Я смогу остаться спокойна за тебя только в том случае, если шериф Поруз во время похода всегда будет рядом с тобой.

– Ты готов отправиться в дальние моря, северянин? – посмотрел Найл шерифу в глаза.

– Да, господин, – спокойно ответил тот. – Я готов.

– Но ведь ты, наверное, захочешь взять с собой своих воинов?

– Они слишком стары, – покачал головой Поруз. – А вот ваши братья уже неплохо владеют оружием и полны сил. Если не возражаете, господин, я выберу лучших среди них.

– Конечно, согласен, – Найл хотел сказать что-то еще, но рука жены коснулась его локтя, сбив с мысли.

– Послезавтра утром Хозяин пришлет в порт четырех жуков, шериф приведет шестнадцать воинов, а Дравиг – двадцать смертоносцев, – подвела итог совета княжна. – А до

тех пор ты ни на шаг не выйдешь из наших покоев. Ты уезжаешь слишком надолго, чтобы я согласилась пожертвовать хоть одной минутой.

Ямисса по-хозяйски потянула мужа к себе, поднялась с трона, опершись на его плечо, и повела за собой из зала.

За месяцы супружеской жизни Найл и княжна провели вместе не так уж много времени.

Сперва незванные визитеры, желавшие «защитить» людей от деспотизма монархии обманом заманили Посланника за несколько сотен километров в отрезанный от мира оазис. Вернувшись, он оказался вынужден отправиться на границы северных княжеств останавливать орды дикарей, громящих цивилизованные поселения. Потом еще масса других проблем...

И это не считая поездок в Дельту, к Серебряному озеру и на солеварню.

Пожалуй, можно сказать, до свадьбы молодые люди проводили вместе даже больше времени, чем после ее.

И вот теперь – новый поход в неизведанные места на неизвестное время. Нет ничего удивительного, что терпение молодой жены лопнуло, и она захотела отгородиться от внешнего мира хотя бы на пару дней.

Ямисса использовала полученное время с полной отдачей и, как ни грустно было Найлу с ней расставаться, но далеко не последнее место в его мыслях занимала мечта о мягкой постели в капитанской каюте, в которой он сможет спокойно отдохнуть.

* * *

Посланника Богини, спускающегося на причал, встретил ровный строй людей и жуков, замерших возле еле заметно покачивающихся кораблей. Пауки сверкали ромбиками, защищающими их от укусов ос – они стояли немного в отдалении, нестройной толпой. Восьмилапые правильного построения не признавали в принципе. Во главе собранного в дорогу отряда стояли трое: старый верный Дравиг, шериф Поруз и лично Саарлеб, Хозяин квартала жуков-бомбардиров, ради священного похода решивший лично проводить отправляющиеся за море корабли.

Найл кивнул им, медленно прошел вдоль строя, пристально вглядываясь в воинов, и почти сразу начал узнавать знакомые лица: Кавину и Аполию, сопровождавших его к Магине за зельем, лишающих пауков способности к ментальному излучению, Навула и Айвана, вместе с ним проникших в город и уничтоживших охранение северян, Тритию и Каллу, получивших раны в сражении у Серебряного озера, Юлук, дочь Рионы и Юккулы, командовавшую отрядами воинов почти в каждом походе, Нефтис...

Посланник ошарашено замер. Откуда здесь его телохранительница? Ведь она должна управлять Приозерьем!

– Я выбрал лучших, – достаточно громко сообщил шериф Поруз в ответ на заминку правителя. – Лучших из лучших! Однако Найл был уверен, что бывшую стражницу Поруз даже по имени не знает. Откуда же она здесь? Впрочем, торжественные проводы – не место для выяснения отношений.

Посланник Богини сделал шаг вперед, кивнул жукам, испустив импульс приветствия. К сожалению, он так и не научился различать шестилапых по панцирю и сейчас не знал, отправляются с ним те бойцы, что уже участвовали в походах на север, или же Саарлеб решил выделить для плаванья новичков.

А вот смертоносцев Найл узнал – не по внешности, а по неповторимым ментальным вибрациям. Это были братья по плоти, прошедшие вместе с ним Серые горы, Южные пески, северные земли. Восьмилапые, частицами которых стали Симеон и Тания, Рион и Юккула,

Закира и многие другие... Точно так же, как частью плоти его самого стали многие из друзей этих пауков.

– Шериф, возьмите четырех человек, четырех пауков, одного жука и грузитесь на один из малых кораблей, – распорядился Найл. – Юлук, выбери себе такой же отряд и грузись на другой малый корабль. Остальные – поднимайтесь на большое судно.

Строй спешно рассыпался. Двуногие, восьмипапые и шестипапые воины направились к сходням. Посланник Богини оглянулся на жену, подошел к ней, крепко обнял:

– Береги себя, Ямисса.

– Я-то что, я ведь остаюсь... Это ты лучше себя береги...

Княжна едва сдерживала слезы, однако внешне выглядела спокойной и уравновешенной – воспитанного с детства чувства собственного достоинства и умения держать себя на людях не способна заменить никакая сила воли. А вот Найл почувствовал, что может не сохранить эмоций – он резко отступил, быстро взбежал по сходням на судно.

Моряки тут же столкнули широкие доски на причал, следом упали причальные канаты. Течение начало тихонько относить корабль от берега.

Найл перешел на корму, остановился у толстых перил, нашел взглядом Ямиссу и помаhal ей рукой. Княжна в ответ приподняла ладонь.

– Весла на воду! – послышался решительный голос Назии. – Левый борт назад, правый сильно... и р-раз! И р-раз! Суши весла! Поднять парус!

Зашелестела, расправляясь ткань, и одновременно Посланник спиной ощутил знакомое присутствие.

– Как ты оказалась здесь, Нефтис? – не оборачиваясь, спросил он.

– До Приозерья дошла весть, что вы отправляетесь в поход, – призналась телохранительница. – Я оставила поселок Урлему и тут же вернулась в город.

– Править Приозерьем я назначил тебя, Нефтис!

– Но Смертоносец-Повелитель приказал мне охранять вашу жизнь, мой господин. Я не могу допустить, чтобы вы отправились в дальний поход без меня. Урлем справится с поселком. Мальчик успел набраться достаточного опыта. – Мысли стражницы пропитывала такая радость от встречи с Посланником, что сейчас она готова была принять любую кару за свое непослушание – тем более, что высаживать ее с корабля уже поздно. – Прикажите казнить меня, мой господин, но я не отпущу вас одного.

– Смертоносец-Повелитель умер, – напомнил женщине Найл.

– Значит, теперь никто не в силах отменить его приказа, – сделала для себя окончательный вывод стражница.

Найл промолчал.

– Нос налево не торопясь! – зычно приказала Назия.

Влекомый одновременно течением и попутным ветром корабль накренился, по самой стремнине проходя излучину, и порт с провожающими скрылся за изгибом высокого берега. И почему-то Посланник Богини перестал испытывать грусть. Он словно вернулся на три года назад. В то время, когда все его богатство составляли только копьё в руке и верная телохранительница за спиной. Правда, из Дельты он уводил больше двухсот скитальцев, а сейчас на трех кораблях находилось всего лишь пять десятков воинов – но теперь ему уже не нужно сражаться с многотысячной армией хорошо обученных и вооруженных северян. Он должен всего лишь найти и посадить два семечка. Именем Великой Богини Дельты дать возможность прорасти двум ее спорам, упавшим далеко на юге. И все.

Правитель повернулся к стражнице. За прошедшее время она ничуть не изменилась: все такая же статная, широкоплечая, с высокой грудью и длинными темными волосами. Даже копьё в ее руках, похоже, осталось все тем же, что и раньше. Вот только туника теперь

была ярко-белой с несколькими синими строчками, вышитыми от левого плеча к подолу, да нож висел не на тряпочном поясе, а на широком кожаном ремне.

– Я рад тебя видеть, Нефтис, – признался Найл.

– Я тоже рада вас видеть, мой господин, – губы стражницы растянулись в улыбке, и она крепче сжала копьё.

– Отдыхай, – кивнул правитель. – Надеюсь, здесь нам никакая опасность не грозит. Назия, все в порядке?

– Да, Посланник, – кивнула морячка. Сейчас все ее внимание приковывало извилистое русло реки, и она была не склонна вести разговоры.

– Если что-нибудь случится, прикажи меня разбудить... – Впрочем, Найл испытывал полную уверенность, что не случится ничего, а потому вошел в капитанскую каюту и с огромным удовольствием рухнул на постель.

* * *

Наутро Посланника Богини разбудили пробившиеся сквозь открытую дверь солнечные лучи. Небесное светило только-только поднималось над горизонтом, распространяя во все стороны потоки нежного тепла. Поднять парус! Поторопись, замерзнете. Нос налево не торопясь. Кирнук, встань к рулю! Нос прямо!

Найл сладко потянулся, рывком поднялся на ноги, вышел из капитанской каюты и поднялся на мостик.

Назия, поеживаясь от ночной прохлады, вглядывалась куда-то вправо, пытаясь различить сквозь клочья расползающегося тумана соседние корабли. Разумеется, сидящий на носовой платформе смертоносец постоянно поддерживал мысленный контакт с капитанами – именно пауки считались капитанами судов – других кораблей. Он мог достаточно уверенно указать, где и насколько далеко находится каждый из двух малых судов, но морячка предпочитала видеть все своими глазами.

– По-однять паруса, – слышалось из-за белых хлопьев.

– Мы что, ночью стояли на месте? – поинтересовался правитель.

– Да, Посланник, – кивнула Назия. – Воды незнакомые, в темноте можно выскочить на незнакомый берег, мель или на рифы.

– Понятно, – вздохнул Найл отходя к перилам кормы. – Это правильно.

Корабли города практически никогда не удалялись от берегов за пределы прямой видимости, путешествуя только вдоль побережья в западном и восточном направлении. Прямо на юг, в бескрайние незнакомые просторы, флотилия шла впервые. Великая Богиня сообщила своим верующим только направление и примерное расстояние до ближайшего семени. Что находится впереди – моря или леса, реки или пустыни, она не знала. Это предстояло узнать братьям по плоти.

Ветер разметал остатки тумана, и Найл увидел оба малых судна, идущих немного сзади и по сторонам от большого. Ветер, исправно наполняющий паруса, поднял высокие, почти двухметровые волны. Впрочем, для крупных мореходных кораблей подобное волнение не представляло никакой опасности, и моряки безмятежно предавались своему излюбленному занятию: ловили рыбу.

Сразу стало видно, насколько разбогатели местные слуги. Года три назад Посланнику Богини уже довелось совершать долгий морской переход. Тогда кончик длинного шнура обычно венчал крючок, запрятанный в пучок цветных нитей, а владельцы отполированных металлических пластинок считались богачами.

Ныне каждый двуногий имел по золотой блесне, да еще держал в кармане по паре запасных. Разумеется, драгоценную оснастку рыба хватала куда охотнее, чем «пучки», и то один, то другой рыболов вытягивал на борт трепещущую добычу.

– Мелочь таскают, – хмыкнул Найл. – Ты помнишь, Нефтис, какого тунца я поймал, когда мы нашли острова для моего брата?

– Он был размером с вас, мой господин, – кивнула стражница. – После кораблекрушения его хватило всем уцелевшим почти на два дня.

Правитель сжал кулак, вспомнив, как металась сильная рыба на том конце прочного шнура, как рвалась на волю, какого напряжения стоило подвести ее к борту судна и перевалить внутрь. В душе проснулся охотничий азарт, желание еще раз испытать то забытое ощущение.

– Назия, – окликнул он морячку. – А ты почему не ловишь?

Командующая флотом повернулась к нему, помедлив с ответом. Она считала, что заниматься дерганьем рыбешек ниже ее достоинства. Однако воспоминание о нескольких рыбешках, выведенных из волн еще во время обучения морскому делу сохранялось в ее памяти, а в сундуке капитанской каюты лежало целых две оснастки, еще не разу не знавших воды.

– Я попробую? – он выстрелил в нее изображением свернутого шнура, оканчивающегося стальной пластинкой и крупным тройником.

Морячка вздрогнула – она никак не могла привыкнуть к тому, что Посланник Богини способен общаться не только по-человечески, но и как смертоносец, а потом кивнула.

Найл улыбнулся, сходил в каюту, нашел «удочку», вернулся обратно, накинул петлю на руку и выбросил шнур за корму. Снасть быстро размоталась, вытягиваясь в сторону кильватерной струи и лихо разрезая волны. Судно двигалось довольно ходко, металлическая пластина поднялась едва ли не к самой поверхности воды. Посланник подтянул ее ближе к себе, резко отпустил, давая возможность утонуть, несколько раз поддернул, снова отпустил. Потом снова подтянул, отпустил...

Примерно с полчаса поклевки не было, потом шнур резко натянулся, заметался из стороны в сторону. Найл приготовился к сильным рывкам, но добыча сопротивлялась довольно слабо и он без особого труда вытянул ее из воды.

Это оказалась небольшая макрель, размером не больше килограмма.

– И все? – поморщился он. – Назия, куда вы деваете мелочь?

– В бочку, в рассол, Посланник. Когда подойдут к концу продукты, взятые из города, ее можно будет съесть или приготовить на костре, если встретим берег. Еще из нее можно выжимать пресный сок, если кончится вода. В море рыбе всегда найдется применение, не беспокойтесь.

Правитель оставил рыбу подпрыгивать под бортом, снова выбросил снасть.

На этот раз поклевки не случилось часа два, а потом попалась еще одна макрель чуть крупнее первой.

– Может, вы хотите пообедать, мой господин? – поинтересовалась Нефтис.

Правитель накинул, по примеру большинства моряков, петлю шнура на один из выступающих из поручня деревянных штырей и неторопливо спустился в рубку.

На накрытом на троих столе лежали фрукты и несколько запеченных в панцире холодных мух. Привычная пища горожан – но Найл знал, что уже через день-другой взятые с собой припасы кончатся: сперва скоропортящееся мясо, затем нежные персики и виноград, а потом яблоки.

День за днем их единственной едой станет рыба, рыба и еще раз рыба. Если удастся пристать к берегу: рыба запеченная, вареная, копченая. Если нет – тогда соленая и вяленая.

– Вечером ты опять прикажешь спустить паруса, Назия? – поинтересовался Найл.

– Я понимаю, Посланник, что так наше плавание займет вдвое больше времени, – кивнула морячка, – но рисковать своими кораблями, вашей жизнью и жизнями команд я не стану.

– А если я попытаюсь разведать дорогу?

– Каким образом, Посланник?

– Ты забываешь, Назия, – улыбнулся правитель, вскидывая руку с золотым браслетом, – что я не только Посланник Богини, но и одитор. Пусть не Верховный, но тоже неплохой. Возможно, мне не удастся проверить магией Золотого мира весь путь, но на пару переходов заглянуть вперед смогу.

– Тогда мы будем двигаться круглые сутки, Посланник.

– Хорошо, – кивнул правитель. – В таком случае мне потребуется кувшин вина.

– Вина? – удивилась морячка.

– Да, вина. Любой одитор способен реализовать свои способности только во сне, а спать меня покамест не тянет. Придется слегка затуманить сознание.

Назия отошла к своему сундуку и вернулась с настоящей бутылкой из зеленого стекла, полной темного напитка.

– Где ты ее взяла? – поразился Найл редкостью вещи.

– Нашла на берегу во время одной из стоянок. Наверное, море выбросило.

Правитель взял прохладный сосуд в руки, покрутил и обнаружил на донышке неровные цифры: «1889».

– Интересно, поверишь ли ты мне, Назия, если я скажу тебе, что люди пили вино из этой бутылки еще тогда, когда самый большой паук не превышал размером ладони, дома нашего города еще не были построены, а про существование Богинь не слышал ни один даже самый образованный человек.

– Они скрывались? – в мыслях морячки появилась легкое опасение – а вдруг правитель заберет редкостную находку себе?

– Они еще не выросли, – покачал головой Найл и протянул бутылку хозяйке. – И даже семена их еще не попали на Землю.

Назия налила себе и Нефтис по паре глотков, а Посланнику – полную чашку.

– Ну, надо же, – с облегчением улыбнулась она. – Я даже не подозревала, что бутылка такая древняя.

– Стекло, – пожал плечами Найл. – Оно практически вечное. Сохраняет свою форму несколько тысяч лет. Даже самая лучшая сталь не способна существовать так долго. Ты знаешь, в древности люди раскапывали поселения еще более древних людей. Эти предки строили деревянные дома, плели мебель из прутьев, выковывали украшения, сражались железными топорами. А сохранились от них только черепки дешевых глиняных кувшинов. Думаю, на дне моря лежит еще очень много останков огромных древних кораблей. Их корпуса и машины давно источила ржавчина, палубы растворило море, а маленькие простенькие стеклянные бутылки из буфетов течение вынесло на дно, волны раскатали по сторонам, и они еще очень, очень долго будут лежать там в целости и невредимости.

– Неужели они такие крепкие?

– Они хрупкие, но совершенно не поддаются гниению. Более живуча только пластмасса – а на вид кажется еще менее прочной.

Правитель залпом выпил вино, наполнил чашку, снова выпил.

– История человечества полна подобных парадоксов. Люди легко истребили саблезубых тигров и шерстистых носорогов, но так и не смогли избавиться от маленьких безобидных крыс. Люди каждый год изобретали все новые виды оружия или новые одежды, но на протяжении всего своего существования выпекали один и тот же хлеб. Они старательно боролись с болезнями, но одновременно отравляли себя наркотиками и никотином.

– Что такое «наркотики и никотин»? – поинтересовалась Нефтис.

– Про это лучше не знать, – Найл зевнул. – Ну вот и хорошо... Кажется я вот-вот приду в нужное состояние.

Он вскинул бутылку над открытым ртом и в несколько глотков допил остатки вина.

– Нефтис, тебе придется меня охранять.

– Да, мой господин.

– Когда одитор находится в пути, его ни в коем случае нельзя будить. Он может расстаться со своей душой или потерять все знания. Не позволяй будить меня никому, пока я не проснусь сам.

– Да, мой господин, – стражница села на пол возле постели и положила копье перед собой. – Я не подпущу к вам никого, даже если мне придется умереть.

– Умирать не надо, – Найл снова зевнул и начал раздеваться. – Просто не дай никому меня разбудить.

Он лег в постель, закрыл глаза и расслабился. Найлу уже много раз приходилось совершать переход в Ночной мир, и он ни капли не сомневался в успехе. Единственное, что он постоянно держал в сознании – это то, что он находится на мостике, находится на мостике, находится на мостике...

* * *

Найл стоял на мостике, справа от Назии и за спиной рулевого.

– Кирнук, – тихо, но грозно предупредила морячка, – не рыскай по курсу. Руль держать разучился?

– Простите, госпожа, – мужчина напрягся, пытаясь удержать тяжелый руль в одном положении.

– Ну-ну, – буркнула женщина, переходя от борта к борту. Правителя она не замечала, и не отступил Найл в сторону – прошла бы прямо сквозь него.

Это тоже было нормально. Находясь в Ночном мире, одитор невидим для живых существ. Он почти всемогущ – он способен оказаться в любом месте, если наяву побывал там хоть один раз, способен создавать фантомы, способен изменять физические законы, способен вздымать горы и разверзать пропасти...

Вот только чем больше он вмешивается в свой Ночной мир, тем сильнее этот мир отличается от реального. И уже очень многие одиторы поплатились жизнями за то, что перепутали созданные своим воображением чудеса с истинно существующими.

Не оглядываясь, Найл прислушался к происходящему за спиной. Сейчас там должен находиться шар. Обычный паучий воздушный шар, трепещущий на ветру и распространяющий острый запах испуганных порифид.

– Это ты, Скорбо? – окликнул мертвого разведчика правитель.

– Ты опять не даешь мне покоя, двуногий, – мысли смертоносца пропитывала ненависть, но в Ночном мире противостоять одитору он не мог. Как пожалуй, теперь не смог бы противостоять возмужавшему Найлу и в реальности.

Посланник качнулся – не телом, а только сознанием, назад и увидел себя со спины: растрепанные волосы, серая туника, широкий с тиснением ремень, перевязь меча. И тут же ощутил страстное желание вонзить хелицеры себе в шею.

– Вверх! – приказал Найл и хлестнул волной ужаса по пристроченным на стенки шара карманам с порифидами. Маленькие существа начали торопливо выделять свой едкий летучий газ. Мир покачнулся и палуба стремительно стала удаляться.

Несколько мгновений внимание Скорбо оставалось прикованным к нечесаному затылку, но потом паук огляделся, и Найл увидел его глазами три парусника, упрямо роющих носами волны, оставляя за собой расходящиеся кильватерные струи.

– Выше, выше, – продолжал требовать правитель, заставляя смертоносца оглядеть горизонт. Никаких признаков земли – ни темной полосы, ни далеких облаков, ни мелькающих чаек или стрекоз.

Лапы начали остывать, мысли стали тягучими и вялыми.

Похоже, он забрался слишком высоко. Этак паук заснет от холода и станет совершенно бесполезным. Впрочем, осмотреться он успел – скал и мелей в ближайшие день-два флотилии опасаться явно не стоит.

Скорбо, словно почувствовав возможность насолить двуногому хозяину, послал шар еще выше, с наслаждением проваливаясь в небытие, и Найл опять оказался на мостике корабля.

– Кирнук, если ты устал, я тебя заменю, – холодно предложила морячка, прогуливаясь вдоль перил. Она остановилась, потянула к себе закрепленный правителем шнур, разочарованно отпустила. Для нее в последние минуты ничего не происходило – не появлялся казненный смертоносец, прославившийся своей жестокой охотой на обитателей города, не стоял на расстоянии вытянутой руки Посланник Богини, не взлетал в небо паучий шар.

– Тигнай! – вытянув из-за пояса хлыст, позвала она. – Встань к рулю! Похоже, Кирнук заметно постарел. Прощтрафившийся мужчина, опасливо косясь на морячку, передал рулевое весло поднявшемуся на мостик Тигнаю, торопливо шмыгнул к лестнице, но короткий щелчок хлыста дотянулся-таки до его плеча. Кирнук пискнул и скатился по лестнице.

Посланник Богини дернул головой и открыл глаза.

– Вас разбудили, мой господин? – Нефтис вскочила на ноги и сжала в руке копье, готовая карать неловких двуногих.

– Поднимись к Назии, скажи ей, что на два дня пути земли вокруг нет.

– Да, мой господин.

– Постой. И спроси еще: она специально Кирнука в плечо ударило, или так случайно получилось?

Найл представил себе, как удивится вопросу морячка и широко улыбнулся.

* * *

Соленая рыба оказалась на столе уже на третий день. А на четвертый – к обеду перестали подавать фрукты. Правда, пресной воды пока имелось в достатке, но в памяти Найла прочно засели слова о том, что из рыбы можно выдавливать годный в питье сок, и он с содроганием ждал этого часа. Правда, это ничуть не мешало правителю проводить время за рыбалкой.

Вдали от берегов клевало плохо, удавалось вытянуть лишь три-четыре «хвоста» в день, но Посланник не терял надежды рано или поздно ощутить мощный рывок стокилограммового тунца или другой настоящей рыбы.

Однако повезло не ему, повезло моряку с малого корабля, шедшего справа от флагманского судна – над волнами пронесся восторженный крик, и почти одновременно из воды метрах в ста взметнулось стремительное сверкающее тело.

Рыболов умелым движением опрокинул рыбину на бок, не давая ей выбросить крючок изо рта и стал торопливо наматывать на локоть шнур, спеша выбрать слабину. Добыча тем временем пыталась уйти в сторону от корабля, но снасть заставляла ее полого поворачивать к борту.

Почувствовав опасность, рыба совершила еще один высокий прыжок, отчаянно мотая головой из стороны в сторону, а упав, устремилась вертикально вниз. Шнур резал воду с такой силой, что свист доносился даже до Найла. Рыболов прикусил губу, весь напрягшись, но снасть не отпускал. Посланник вспомнил, как изрезала ему ладони выскальзывающая

леса и в полной мере оценил предусмотрительность моряка, намотавшего шнур на руку: получалось, он удерживал добычу не пальцами, а всем локтем.

Темная спина скользнула под самой поверхностью, набирая скорость, и рыбешка опять взметнулась в воздух.

– Какая большая, – пробормотала Нефтис, – больше человека размером.

– Не удержит, – разочарованно добавила Назия. – Слишком грубо действует, одной силой. Нет, чтобы вымотать сперва, слабинку дать, когда рывки слишком сильные. Уйдет хамса, уловит момент, рванет хорошенько, да и порвет оснастку.

Посланник изумленно крикнул. Из тех сведений, что щедро влила в его память Белая Башня, следовало, что хамса – это мелкая рыбка размером грамм двести-триста.

Неужели обитатели моря прибавили в размерах до такой степени? Тогда выловленный им тунец в полтора центнера должен считаться мальком, а морской окунь превышать размерами любое из судов флотилии.

Впрочем, скорее всего кого-то из морских обитателей просто получил новое имя.

Рыба опять скакнула в воздух. Пожалуй, больше всего она напоминала очень большую скумбрию или треску. Моряк откатнулся назад, меняя направление ее полета, и быстро подмотал еще пару метров снасти.

«Хамсе» оставалось все меньше и меньше пространства для маневра. Она рванулась вертикально вниз, потом пошла в сторону, как было видно по движению шнура.

Внезапно шнур остановился и ослаб. Рыболов стал лихорадочно подматывать лесу – и тут последовал сильнейший рывок.

Человек испуганно вскрикнул и вылетел за борт.

– Спустить парус! – Назия выдернула хлыст и звонко щелкнула им в воздухе. – Нос направо сильно! Спустить парус, я сказала! Шевелись, роторези! Весла на воду! Быстрее, быстрее, вы, мухи сонные!

Идущие под полными парусами корабли в считанные минуты убежали от незадачливого рыболова почти на полкилометра, и только после этого стали опускать паруса и разворачиваться, чтобы вернуться за бедолагой.

Быстрее всех успела отреагировать Назия, и к тому моменту, как малые суда только-только успели выпростать весла, флагман флотилии уже шел в обратном направлении.

– Нос прямо! Оба борта – самый быстрый! И-и, р-раз! И-и, р-раз! Держать темп! Кирнук, Лохарь – бегом на нос! Смотреть в оба!

Хотя с момента падения моряка в воду прошло от силы десятков минут, его голова уже потерялась среди полутораметровых колышущихся волн. Поначалу Найл думал, что ему не видно человека потому, что он стоит слишком низко. Правитель послал мысленный вопрос замершему на носовой платформе смертоносу, паук тотчас ответил четкой картинкой: на всем видимом пространстве непрерывно катились гребни волн.

– Если снасть бросить не догадался, хамса могла его и в глубину утянуть, – задумчиво произнесла Назия. – Такое бывает, если растеряешься. Внимание, оба борта! Не торопясь! И-и-и-и, раз... И-и-и-и, раз... Так держать! На носу: внимательно смотреть!

Найл оглянулся назад. Оба малых судна отстали от них не меньше, чем на полтора километра. Пожалуй, он не зря назначил Назию командующей: она явно была лучшей из хозяек кораблей. И реакция хорошая, и командовать умеет, и дело свое знает. Вот только найти человека среди бесконечных волн, на просторах моря...

Здесь ведь никаких ориентиров нет. Пойди, угадай: здесь человек вывалился, или на сотню метров в стороне.

Посланник закрыл глаза, привычным усилием воли изгоняя из сознания мысли, и замер, пытаясь воспринять происходящее вокруг на ментальном уровне.

Прямо перед лицом буйным пожаром полыхала энергетика нервничающих, торопящихся, лихорадочно работающих людей, позади, над морскими просторами, раскинулась мертвая пустота...

Да! Вот во мраке мигнула искорка смертельного ужаса.

– Назия, он справа! Мы проходим мимо! Морячка открыла рот, собираясь спросить: «Откуда ты знаешь?», но вовремя спохватилась:

– Нос направо сильно! Правый борт назад, левый сильно, и-и, р-раз! Суши весла! Команде смотреть по правому борту! – морячка покосилась на правителя, все еще сомневаясь в правильности его слов, а потом перевела свой взгляд на воду. Над кораблем повисла напряженная тишина.

– Вон он! Вижу! – неожиданно закричал один из гребцов, тыкая пальцем в волны, и после этого невезучего рыболова увидели сразу все: он отплевывался водой всего в полусотне метров и пытался махать руками, но после каждой такой попытки погружался с головой, снова выныривал и отплевывался, явно пытаясь, но не в силах что-либо крикнуть.

– Надо же, живой, – удивилась Назия. – Весла на воду! Лохарь, приготовь веревку. Оба борта назад! И-и, р-раз! Еще – и-и, р-раз! Суши весла! Нос налево не торопясь!

Морячка замолчала, выжидая, пока судно откатится немного назад и нацелится носом на человека, чтобы потом двинуться прямо на него и выдернуть из воды.

– Лохарь, ты готов?! Внимание, оба борта... Назия оборвала команду на полуслове: волны вокруг рыболова вспенились, из глубины показалась огромная распахнутая пасть, в которую моряк, так и не успевший понять, что происходит, провалился целиком.

Пятиметровые челюсти с громким щелчком сомкнулись, унося добычу в глубину, и под солнцем покатился бесконечный изгиб бугорчатого тела: шишковатая голова с круглыми глазами по бокам, мясистый загривок, спина, спина, спина – спина казалась бесконечной, по мере движения расширяясь чуть ли не до десяти метров, а потом постепенно сужаясь, задние перепончатые лапы, больше похожие на плавники, длинный хвост.

– Что это было? – судорожно сглотнула Назия.

– Ихтиозавр... – растерянно пробормотал правитель.

Точнее, наиболее близкий термин всплыл из приобретенной в Башне памяти.

Своими размерами чудовище и вправду напоминало древнего плавучего ящера, вымахивающего в длину почти под сотню метров. Возможно, исполин и действительно вернулся в океан из невероятной бездны в миллионы лет – ведь слухи об океанских чудищах сопровождали человечество на протяжении всей истории мореплавания.

А может, стимулирующее рост излучение Богинь помогло стать крупнее обычного кому-то из крокодилов. Последнее намного вероятнее: ведь ихтиозавры были живородящими и, возможно, теплокровными. А чем менее зависит живое существо от внешнего мира, тем слабее оно воспринимает развивающую энергетику Богинь. Бывший венец творения – человек, не способен усвоить их вообще.

Впрочем, как ни называй морского монстра, а моряка к жизни уже не вернуть.

– Нос налево сильно, – негромко приказала Назия. – Весла на воду. Правый борт сильно, левый назад и-и, р-раз! Суши весла. Приготовиться поднять парус.

Несколько шнуров, привязанных к левому борту, натянулись и один за другим полопались.

Найл схватил свою снасть, быстро ее смотал и спрятал за пазуху. Нефтис в это время стояла рядом, держа наготове копьё и вглядываясь в воду за кормой.

– Не бойся, за такой мелочью, как блесна, ихтиозавр не погонится, – попытался успокоить ее правитель.

– Поднять парус! – приказала морячка и повернулась к Найлу: – наверное, его привлекла мечущаяся хамса. Сперва он сожрал ее, случайно выдернув за борт моряка, а потом проглотил и человека. Надеюсь, теперь он уйдет. В воде больше нет ничего съедобного.

– Смотрите! – с ужасом завопил рулевой, указывая за борт. Там, под самыми веслами, проплыло извивающееся тело морского монстра. Только теперь стало ясно, что чудовище почти втрое превышает размерами самый большой корабль городского флота. Хищник, продемонстрировав размеры, ушел в глубину, на прощание ударив кончиком хвоста по поверхности и окатив всех холодной соленой водой.

– Нос налево не торопясь! – Малые корабли, получив через смертоносцев мысленный приказ, разворачивались и поднимали паруса. Назия собиралась пройти между ними и восстановить нарушенный неприятным инцидентом строй. – Нужно как можно скорее уходить с этого проклятого Богиней места.

Сильный удар подбросил один из малых кораблей вверх. Он почти оторвался от воды, потом ухнул вниз, заваливаясь на бок.

За борт полетели незакрепленные бухты канатов, бочонки, доски; вывалилось несколько человек.

Над поверхностью появилась зубастая пасть, собирающая добычу. Чудовище легко перемалывало огромными челюстями все, что только попадалось на пути – и дерево, и человеческие кости. Несчастные, вопя от нестерпимого ужаса, пытались доплыть до судна, хватались за скользкие борта, царапая их ногтями, но морской хищник не упустил ни одного. Да сделай же что-нибудь, Посланник! – оглянулась на правителя Назия.

Найл, словно очнувшись от спячки, подступил к борту, крепко взялся за него руками, потянулся мыслями к сознанию напавшего на флотилию монстра.

Ихтиозавр не имел разума. Его крошечного сознания хватало только на желание набить себе брюхо, и уйти на теплое мелководье спать. Он даже не понимал, что имеет дело населенными судами, принимая их за гигантских черепах, которых можно попытаться забить до бессознательного состояния и разгрызть прочный панцирь. Вот монстр нырнул, и...

– Берегись!!! – со всей силы закричал Найл, а чудовище со всего размаха ударило корабль хвостом. И опять несколько человек и обломки поручней полетели в воду.

Гигантский ящер воспринимал их то ли как незамеченную раньше мелкую живность, то ли за куски мяса, оторвавшиеся при ударе.

Посланник Богини поймал волну животного страха смерти, испускаемую барахтающимися в воде людьми и метнул ее в сознание чудовища. Ящер забеспокоился, но голод оказался сильнее, и он продолжал свою жуткую трапезу.

– Да где же вы все?! – правитель испустил призывный импульс, требуя от всех пауков, спрятавшихся в трюмах, соединить разумы и расширить его сознание, усилить излучения его мозга, и повторно хлестнул чудовище предсмертным ужасом, усиленным в сотни, тысячи раз.

Ихтиозавр торопливо юркнул головой вниз, вильнул хвостом и умчался в спасительную темноту морских глубин.

Наступил покой. Люди с облегчением уселись на палубу прямо там, где кто стоял, приходя в себя после пережитого кошмара – и только корабли, словно и не заметив происшествия, продолжали скользить на юг, выгибая полные ветра паруса.

– Чей это был корабль? – немного успокоившись, поинтересовался Найл.

– То, с которого упал моряк, это судно Елги. На нем идет шериф Поруз. А другое, на которое напало чудовище, это хозяйки Алгии. Там плывет отряд Юлук.

– Какие у нее потери и разрушения? – разумеется, Найл мог послать мысленный вопрос прямо смертоносцу корабля, но он не хотел разговаривать с подчиненными Назии через ее голову.

– Она считает, что за борт выпало пятеро моряков и двое людей из отряда братьев по плоти. Спасти никого не удалось. Сломан борт над уключинами и перила мостика с левой стороны, потеряна часть запасного такелажа и два бочонка с соленой рыбой...

Дальше Найл уже не слушал, мысленно вызывая Юлук:

– Ответь мне, девочка, ты цела?

– Он сожрал Еченика и Илюму, Посланник! – в мыслях девушки сквозило отчаяние.

– Мне очень жаль... Держитесь крепче, мы прошли только половину пути. Не хочу, чтобы море поглотило еще хоть кого-нибудь! – Нужно высадиться и идти берегом, Посланник. На суше нам не страшен никто.

– Мы так и сделаем, Юлук. Но вначале берег нужно найти.

– Посмотрите туда, мой господин, – положила Нефтис руку на плечо правителя, и указала за корму. Позади, поперек кильватерных струй от трех кораблей, проявлялась, нагоняя флотилию, еще одна...

– Великая Богиня! Назия, прикажи всем держаться!

Оправившись от беспричинного страха, ихтиозавр бросился в погоню за ускользающей добычей. Найл, торопливо стряхивая с души беспокойство и очищая ее для ментальной схватки, пытался установить с ящером мысленный контакт, одновременно стараясь вспомнить чувство безмерного страха, которым отгонял ящера полчаса назад.

Нефтис, сделав резкий выдох, метнула за борт копьё, и в тот же миг корабль содрогнулся от страшного удара. Стражница рухнула и покатилась по палубе, сбив с ног рулевого, но толстые поручни удержали их от падения в море.

Корабль тряхнуло еще раз – флагман оказался слишком тяжел, чтобы подпрыгивать на волнах, как мячик, и бесполезно отбивший хвост ящер обиженно нырнул вниз, разрывая неустойчивый мысленный контакт.

– Ты хоть попала в него? – поинтересовался правитель у телохранительницы.

– В спину, – кивнула, поднимаясь, Нефтис. – Шкура толстая, не пробить.

– Он здесь! – закричали с корабля Юлук, указывая на воду. Но ихтиозавр всего лишь скользнул по поверхности и вновь ушел в глубину.

– Добычу выбирает, – пробормотала Нефтис, сжимая и разжимая кулаки. Теперь она осталась практически безоружной.

Немного успокоившись, правитель опять обратился к смертоносцам с призывом соединить свои сознания вокруг него.

Сейчас, когда непосредственной опасности никому не угрожало, он смог вызвать из бездонной памяти восьмипалых то чувство ужаса, которое использовал при первой атаке ящера и, затаив его в уголке души, «утонуть» в вечно сером ментальном пространстве.

Здесь, в мире, где видны только живые существа и предметы, он парил в центре сферы, разделенной надвое – выше людей царил мертвый мрак воздушного океана, а ниже, под ногами, искрилась наполненная мелкими водорослями, планктоном, рыбной молодью толща воды.

Время от времени то тут, то там проскальзывали огоньки более крупных рыб. Корабли в этой плоскости бытия казались тремя кострами – ярко полыхающие жизнью, но не сгорающие на протяжении долгих часов.

А вот с южной стороны надвигается еще одно большое яркое пятно – судя по размерам, это мог быть только ящер.

– Давайте! – Посланник не настолько владел своим сознанием, чтобы излучать волны ужаса, находясь, фактически, в ином пространстве, но дать команду паукам труда для него не составляло. Уж чего-чего, а сеять страх смертоносцы умели и сами: еще совсем недавно именно таким образом они охотились на людей, «выпугивая» их из нор и схронов.

Пятно шарахнулось назад и тут же ушло в спасительную глубину.

– Кажется, отогнали, – с облегчением вздохнул Найл.

– Кирнук на нос, Лохарь на левый борт, Тупик на правый. Смотреть за морем внимательно, – приказала Назия и через корабельного паука передала распоряжение выставить наблюдателей на малые корабли. – Будем надеяться, Посланник, мы успеем заметить чудовище раньше, чем он нападет, и вы сможете опять его отогнать.

– Надеюсь, – кивнул правитель. Он подумал о том, что завязать торговые отношения с новыми землями будет непросто. Вряд ли купцы станут охотно плавать через моря, заселенные гигантскими ящерами.

Хотя, если верить морякам древности, гиганты морских глубин всплывают к поверхности очень и очень редко. Может, ящера теперь еще лет сто никто не увидит?

Корабли час за часом резали форштевнями угрюмые волны, но ихтиозавр, словно желая подтвердить надежды Посланник, больше не появлялся.

– Ладно, – махнула рукой Назия. – Не голодать же нам теперь из-за него. Наблюдателям стоять на местах, остальные могут обедать.

И опять соленая рыба. Найл искренне позавидовал сидящим в трюмах паукам, способным обходиться без пищи до года, если они никуда не идут и не шевелятся. Уж лучше не есть ничего, чем постоянно одно и то же.

Морячка, наскоро соскребя зубами мясо с костей нескольких круто просоленных рыбешек, запила пищу водой и заторопилась наружу. Поначалу правитель не понял, в чем дело, но выйдя после обеда из каюты, с удивлением обнаружил, что уже смеркается.

Стараниями ихтиозавра он совершенно потерял чувство времени, и теперь явно не успеет произвести разведку пути.

Тем не менее, Назия не отдавала приказа спустить паруса – ей явно не улыбалось дрейфовать неподалеку от мест обитания морского чудища. Она просто изменила построение флотилии: теперь первым шел корабль Юлук, на полкилометра за ним – флагман, за которым тянулось в кильватере судно шерифа.

Найл явственно ощутил мысль морячки: если первый из кораблей напорется на препятствие, остальные услышат крики и импульсы боли, и успеют остановиться. Команда на первом судне и так поредела почти вдвое, ею можно рискнуть во имя остальных.

– Все в порядке, Назия? – негромко спросил правитель, остановившись рядом с ней.

– Идите отдыхать, Посланник, – предложила в ответ морячка. – Мне этой ночью все равно будет не до сна.

* * *

Завтрак состоял, естественно, опять из соленой рыбы с отдающей затхлостью водой.

Когда Найл и телохранительница вышли на палубу, флотилия уже перестроилась треугольником: флагман впереди, малые корабли по сторонам и чуть сзади. За рулем стоял Тигнай, а Назия, едва увидев выпавшегося Посланника, ушла в свою каюту и легла в постель, даже не притронувшись к еде.

Корабли продолжали мерно переваливаться через ставшие более высокими волны, упрямо пробиваясь на юг, попутный ветер надувал паруса, и единственное изменение, которое заметил правитель – рыбу никто из моряков больше не ловил.

– Это они зря, – нащупал Найл за пазухой снасть. – Если кончится питьевая вода, нам станет не до страха перед ящером.

– Слева, слева! – послышался испуганный крик с корабля шерифа Поруга.

Волны разошлись, демонстрируя морякам бугорчатую спину, скользкую по направлению к малому кораблю.

– Догнал все-таки, – бессильно скрипнул зубами Найл.

Звонко защелкали арбалеты, и несколько раз всплеснулась вода – северянин, похоже, успел подготовить свой отряд к встрече с чудовищем. Ихтиозавр болезненно дернулся, свернул в сторону и нырнул.

Разумеется, удары арбалетных болтов причиняли ему не больше вреда, чем булавочные уколы – но и уколы булавкой мало кому доставляют удовольствие. Особенно, если не ожидаешь от жертвы вообще никакого сопротивления.

Найл спустился с мостика, прошел на нос, где под широкой площадкой корабельного смертоносца расположились братья из его отряда, нашел взглядом знакомое лицо:

– Навул, у вас арбалеты есть?

– Да, четыре штуки, – поднялся с палубы паренек.

– Зарядите их и приготовьтесь стрелять по морскому чудовищу. Ему это почему-то не нравится.

– Сейчас сделаем, Посланник, – оживились братья, предвкушая хоть какое-то развлечение.

– Метьтесь в глаза.

Последняя фраза была всего лишь пустым пожеланием. Ихтиозавр, в отличие от крокодила, не имел привычки плавать по поверхности, выставив наружу ноздри и глаза.

Стрелять придется туда, куда придется. Лишь бы попасть.

Правитель вернулся на мостик, взялся за перила, послал мысленный призыв ко всем смертоносцам и сосредоточился, привыкая к состоянию резко расширившегося сознания.

Способность соединять свои разумы и безупречная память были на протяжении многих столетий основным преимуществом восьмилпых над людьми. Да, пауки не отличались способностями к фантазии, к неожиданным решениям. Зато, столкнувшись с трудной задачей, смертоносец мог обратиться за помощью к ближайшим собратьям, увеличивая свой разум в десятки, а если нужно – в десятки тысяч раз. Если задача не требовала быстрой реакции, объединенное сознание всегда позволяло найти самое верное, оптимальное решение в любой ситуации. К тому же, удачный ход оставался в памяти пауков навсегда – для всех последующих поколений.

Ощущение при «едином» сознании напоминало чувство, возникающее при выходе на свежий, прохладный воздух из тесного душного помещения: необычайная легкость мыслей, эйфория, приятное головокружение от наполняющей тело невесомости.

Для того чтобы хладнокровно и точно использовать новые способности требовалось успокоиться, сродниться с новым состоянием. – Он за кормой, за кормой!

На этот раз присутствие гиганта моря выдавали лишь появившиеся на поверхности водовороты, возникающие над быстро плывущим телом. Но если метровый слой воды являлся непробиваемой преградой для стрел, то остановить разум ему было не по силам.

Посланник Богини потянулся в холодные волны своим сознанием, прикоснулся к мозгу ящера, но трогать его не стал, растекаясь по всему телу.

Теперь это он, именно он неторопливо шевелил хвостом, нагоняя крупную незнакомую дичь, это он время от времени подгрёбал задними и передними лапами, удерживая тело в нужном положении, это у него болезненно чесалась спина в местах попадания стрел, именно он чувствовал легкий голод – не настолько сильный, чтобы плыть в полные жизни северные воды на охоту, но вполне достаточный, чтобы потратить силы на погоню за приплывший прямо в пасть едой. Нужно только изловчиться и оглушить ее хвостом, и потом спокойно разорвать на куски и сожрать.

Найл подвсплыл рядом с самой большой дичью, опустил голову вниз, нырнул, готовясь подвести к ней хвост и нанести удар – как вдруг спину опять несколько раз болезненно укололо.

Он резко взмахнул хвостом, уходя в глубину, и удара опять не получилось.

Значит, незнакомые животные умеют сопротивляться. Придется потерпеть, прежде чем хлестнуть хвостом – а уж после этого перестают отбиваться даже самые злобные акулы.

Правитель со всей силы сжал кулак, а потом резко вбросил это ощущение невероятно напряженных мышц в чужое тело. Ихтиозавра мгновенно скрутило болезненной судорогой – сознание его захлестнуло уже самыми настоящими паникой и страхом. Обездвиженный ящер, свернутый онемевшими мышцами в кольцо начал медленно тонуть, погружаясь в бездонную бездну, а Найл продолжал удерживать его в состоянии «сжатого кулака» до тех пор, пока мог дотянуться до врага своими мыслями.

– Уф, – перевел дух правитель, разрывая контакт с пауками. – Надеюсь, больше мы его не увидим. – Кого не увидим? – удивилась Нефлис.

Найл усмехнулся – произошедшая на ментальном уровне схватка осталась совершенно незамеченной людьми. И уж тем более они не подозревали, что чудовище уже не кружит возле флотилии, выбирая момент для атаки, а тонет во мраке морских глубин.

– Хорошо бы перекусить, – попросил правитель. – Я здорово проголодался.

* * *

Ближе к вечеру волнение на море почти утихло. Силы легкого ветерка еле-еле хватало на то, чтобы не дать парусам обвиснуть. Скорость флотилии упала настолько, что корабли двигались медленнее пешеходов.

– Как бы ветер не переменялся, – поморщилась Назия, вглядываясь в небо. – На веслах против ветра мы к семени Богини будем не меньше месяца идти. Да еще ничего кроме рыбы на борту нет. Этак и цинги недолго дожждаться.

Морячка еще раз вгляделась в небо, тяжело вздохнула:

– Весла на воду! Давай-давай, разомнитесь, а то засиделись от безделья. Оба борта не торопясь – и-и, р-раз. И-и, р-раз! Темп держать!

Малые корабли тоже вспенили веслами воду, помогая парусам двигать судно.

Назия с тревогой повернулась к кораблю с отрядом Юлук: вместо шести весел с каждой стороны из уключин выглядывало только по три. Морякам приходилось грести в куда более частом ритме, чем на флагмане, но они все равно постепенно отставали от флагмана.

– Ничего, – решила Назия. – До вечера продержатся, ночью отдохнут, а что утро нам приготовит, еще неизвестно.

Она перевела взгляд на другой корабль и с ужасом увидела, как из воды поднялись две пятиметровые челюсти, сомкнулись на носовой части и резко тряхнули судно из стороны в сторону. Весла попадали на воду – гребцы от неожиданного толчка свалились со скамеек.

Смертоносец на носовой площадке откатился на самый край, и чудом удержался, успев прилепиться брюшком к доскам. Люди такими способностями не обладали – хозяйка корабля и рулевой, стоявшие на мостике, отлетели к поручням и кувыркнулись в воду.

– Да стреляйте же! – закричал Найл, одновременно посылая энергичный мысленный импульс братьям на носу. Но пока те успели подхватить арбалеты и прицелиться, ихтиозавр уже успел спрятаться под поверхностью.

– Вербку бросайте! – эти слова предназначались уже морякам.

Люди отчаянно работали руками, пытаясь догнать уходящее вперед судно, а гребцы на нем еще только рассаживались на скамьях, оглядывались и пытались сообразить, что делать.

– Вербку бросайте! – опять закричал правитель. – Эй, на судне! – зычно гаркнула Назия. – Оба борта назад сильно! И-и, р-раз! Задние гребцы на корму бегом, сбросить вербку!

На подвергшемся атаке корабле зашевелились. Весла зарылись в воду, выгнулись, останавливая движение.

На мостике появились люди, среди которых Найл заметил арбалетчиков – похоже, шериф Поруз хотел защитить выпавших за борт от нападения.

За корму упала длинная веревка. Первой к ней подплыл моряк, остановился, поджидая хозяйку.

Поверхность разорвали раскрытые челюсти, выросшие справа и слева от людей. Найл ощутил сильнейшую эмоцию ужаса, от которой даже у него перехватило дыхание, услышал треньканье арбалетов – челюсти захлопнулись и ушли назад под волны.

– Течь в трюме!

Найл вздрогнул, но быстро сообразил, что кричат с корабля Порюза. Не хватает только потерять один из кораблей в самом начале пути! Правитель послал корабельному пауку прямой мысленный вопрос, требуя показать картинку повреждения.

Подчиняясь Посланнику, смертоносец сразу начал показывать то, что видит сам: перед правителем вырос флагманский корабль, потом картинка сместилась, и перед ним открылась палуба со скамьями гребцов, затем открытый люк трюма – восьмилетний капитан спускался вниз.

Вопреки опасениям Найла, корпус выдержал удар гигантских челюстей – не имелось ни проломов, ни сквозных пробоин от зубов. Вот только из нескольких щелей тихонько сочилась вода, растекаясь внизу.

– Я немедленно заклею все паутиной, – пообещал смертоносец.

Найл, чтобы не мешать, разорвал мысленный контакт.

Флотилию накрыла тень.

Назия вскинула глаза к небу и мгновенно побелела:

– Спустить парус! Скорее, скорее, если жить хотите! Нос налево сильно! Шевелись, шевелись! Шквал прохлопали...

Посланник оглянулся, и понял, что пока они наблюдали за схваткой малого корабля с ихтиозавром, с обратной стороны к ним подкрались огромные черные тучи.

– Люди! – он послал смертоносцу на носу мысленный приказ немедленно приклеить всех братьев к прочным столбам площадки.

Правителю уже доводилось попадать в шторм и он понимал: взбесившиеся волны мгновенно смоют непривычных к морю воинов за борт. Разумеется, привязанные к столбам и мачтам люди не смогут освободиться, если случится кораблекрушение – но если судно пойдет ко дну, у них все равно не останется шансов на выживание.

По лицу твердыми каплями дождя ударил холодный жесткий ветер. Найл огляделся, сделал шаг вперед и встал рядом с рулевым, взявшись за толстую ручку кормового весла – единственную надежную опору, за которую можно удержаться. – Нос прямо! – гаркнула Назия, и Посланник Богини, помогая моряку, навалился на тяжелый руль.

Флагман уверенно уходил под сверкающие молниями тучи.

– А шторм-то, похоже, попутный, – весело оглянулась морячка, и тоже отступила к веслу, оттеснив назад рулевого. – Вроде все успели закрепить. Прорвемся.

По лицу опять хлестнуло водяной крупой, и корабль оказался в объятиях ночного сумрака. Удар ветра заставил стражницу потерять равновесие и упасть рядом с Найлом, а мачту – жалобно заскрипеть. Невесть откуда взывшаяся высокая волна подкинула судно на несколько метров ввысь, после чего оно начало долгое падение в бездну. Нефтис вскочила и вцепилась в весло за спиной правителя.

– Сколько у нас нынче рулевых, – нервно рассмеялась Назия. – Теперь не пропадем.

В душе морячки страх перед бушующим морем смешивался с азартом предстоящей схватки. Пожалуй, она даже радовалась случившейся буре.

Судно врезалось бушпритом в следующую волну, по палубе прокатился поток холодной, пенящийся воды.

У Найла от неожиданности перехватило дыхание. Корабль, сбросив с себя лишнюю воду, уверенно вскарабкивался на огромную, почти семиметровую волну, замер на гребне, начал опрокидываться вперед – и Посланник Богини увидел впереди себя пропасть. Самую настоящую бездонную пропасть. Гигантский мореходный корабль на краю ее казался шариком перекаати-поля, начавшего свой разбег с вершины песчаной дюны в провал между песчаными горами.

Вот корабль качнулся вперед и заскользил, увеличивая и увеличивая скорость. Минута – и вот вокруг не видно ничего, кроме темно-зеленой воды, вставшей на дыбы, выросшей чуть ли не до небосклона, оставив для обозрения только узкую полоску подсвеченной молниями черной тучи. Вертикальные стены из воды.

– Сейчас раздавит, – понял Найл.

Но упрямый корабль уткнулся носом в зеленую стену, черпнув на палубу очередной вал воды, и начал задира́ть бушприт, набирая высоту.

Волна несла его на себе, как щепку, но щепка стремилась ввысь, и забралась-таки на казавшуюся неприступной вершину, выдержала яростный удар возмущенного ветра, и тут же снова рухнула в пропасть.

– Ты что, не видишь? Разворачивает! – Назия навалилась на весло, командуя то ли им, то ли себе: – Нос налево сильно!

Душа екнула от стремительного падения со стены, судно зарылось глубоко в воду – дыхание перехватило, соленая жидкость защищала глаза, залилась в уши, в ноздри...

И вновь они вырвались на поверхность, успели сделать по глубокому глотку воздуха пополам с холодной пеной. Найл увидел, как на вершине горы, на которую они забираются, вырастает белый гребень и сделал глубокий вдох. Тысячетонная масса воды обрушилась сверху, до хруста ребер вдавив его в доски борта, выжав из легких весь припасенный воздух до последнего глотка... Схлынула...

– Не зевай! – тряхнула мокрой головой надсмотрщица. – Нос налево...

В лицо больно – словно мелкой галькой – врезались капли воды. Жалобно застонала мачта.

– Почище паруса... – закончить своей фразы женщина не успела, поскольку корабль опять нырнул под воду, потом стремительно помчался наверх – Найл даже подумал, что начал путать небо и землю.

Судно на несколько мгновений замерло на вершине очередного вала, и все четверо торопливо навалились на руль, стремясь повернуть нос поперек волн. Новый разбег, новый рывок, новый подъем, новый удар штормового ветра. Мачта опять затрещала, но выдержала.

Снова вниз, снова вверх... Посланник Богини уже не понимал – часы или минуты прошли с тех пор, когда первый порыв ветра ударила его в лицо, день или ночь стоят в окружающем мире.

– Сколько это будет длиться? – заорал он, пытаясь перекрыть ревущий ветер.

– Дольше четырех дней еще не бывало! – прокричала в ответ Назия. – Нос держи! Ты, главное, нос поперек волн держи! Не то опрокинет!

Сверкнувшая молния наполнила бушующее море коротким, но ослепительным светом. Правитель увидел, что они скользят по склону водяной горы под острым углом к гребню и потянул весло на себя, выправляя курс.

Потом опять настал мрак, и снова короткая вспышка, дающая шанс хоть немного сориентироваться.

Вспышка – весло; вспышка – весло. Найл почувствовал, что впадает в ступор, но руки и ноги продолжали исправно выполнять свою работу.

Вспышка – весло; вспышка – весло.

А потом вдруг все вокруг залило ярким солнечным светом, а волны мгновенно исчезли, словно их никогда и не было. Посланник отпустил руль, отступил к борту, уселся на палубу и привалился спиной к перилам:

– Никогда не думал, что на море может быть так хорошо, – тихо пробормотал он.

– Оглядеться на палубе! – приказала Назия, неуверенно отпуская кормовое весло. Похоже, она тоже не верила, что шторм остался позади. – Пропавшие есть?

– Кто пропал, подайте голос! – рассмеялся Найл.

Хозяйка корабля на шутку не отреагировала, дожидаясь ответа.

– Гребцы на местах! – крикнул кто-то снизу.

Посланник спохватился, послал мысленный вопрос смертоносцу на носовую площадку. Тот уже объедал свою паутину с привязанных к столбам воинов. Мокрые до нитки, братья по плоти чувствовали себя нормально, хотя и не полностью пришли в себя после свидания с бушующей стихией. Главное – все на месте, никого не смыло.

– Похоже, для нас все обошлось, – сделала вывод женщина. – Интересно, как остальные? У Алгии только половина команды на борту. А Елгу вовсе за борт смыло, судно без хозяйки осталось. Могло перевернуть. Ладно, подождем. Надеюсь, нам удастся установить мысленный контакт.

Корабельный смертоносец каждые несколько минут звал капитанов других кораблей, но ответа не было.

Вскоре стало смеркаться. Только по этому признаку Найл понял, что шторм трепал их не меньше суток.

За это время маленькие суденышки могло раскидать настолько далеко друг от друга, что и мыслью не дотянешься. Считать малые корабли погибшими пока не стоило – возможно, еще найдутся.

Посланник остановил паука и, сосредотачиваясь, послал всем восьмипалым корабля призыв к единению.

Для того, чтобы стать среди смертоносцев «своим», на равных вливаться в общее сознание пауков человеку требуется избавиться от мыслей, сделать разум пустым. Слишком уж разнится образ работы мозга у двуногих и восьмипалых разумных обитателей Земли.

Любой паук отличается безмерным терпением и способностью беречь силы. Когда перед ним возникают некие проблемы, которые требуется разрешить, он обдумывает их, ищет решение. Если все спокойно и хорошо – смертоносец не думает ни о чем.

В человеческом же разуме постоянно роятся ненужные, паразитные мысли. Мозг непрерывно работает, копошась в памяти, обсасывая давно разрешенные вопросы, придумывая посторонние ситуации только для того, чтобы тут же их разрешить. Уровня паука двуногий способен достичь, только избавившись от этого ненужного хлама.

Правитель проделывал подобное уже не раз: мысленно отступал вдаль от роящегося в сознании хаоса и ждал. Просто ждал, созерцая со стороны, как брошенный за ненадобностью бедлам постепенно рассасывается, успокаивается, оседает, точно поднятая в озере муть.

Проходит несколько минут, иногда полчаса. Изредка – час. И вот «озерная вода» становится чистой и прозрачной, и готовой отразить в себе всю вселенную, как отражает озерная гладь бесконечное небо, и порою невозможно отличить, где кончается истинный мир, а где начинается его внутренний образ.

Теперь, приобретя изрядный опыт, Найл научился очищать разум за считанные секунды: он просто встряхивался, решительно изгоняя из сознания все лишнее, очищая разум от набившейся скверны и закрывал глаза.

Знакомо екнуло в груди, возникло ощущение падения, и мир рывком раздался в стороны – это возник контакт с разумами смертоносцев. Пожалуй, сейчас его мысли стали слышны раза в три дальше, чем у самого опытного из восьмипалых.

– Говорит Посланник Богини, – излучил Найл главную мысль. – Ответьте мне все, кто меня слышит!

Правитель прислушался... Тишина. Полная тишина в огромном темном мире вокруг. Усилием воли Найл подтянул к себе границы видимости сзади и с боков, вытягивая за счет этого неширокий луч впереди себя, повел этим лучом вокруг, продолжая вызывать потерявшиеся корабли... Ничего. Он ничего не заметил даже сейчас, на расстоянии никак не меньше четырех дневных переходов.

– Слышу! – правитель вскинул руку и прикусил губу, повел «взглядом» немного назад, пытаясь распознать мелькнувшие на границе видимости неясные огоньки.

Нет, не то. Корабли светились в ментальном пространстве, как плотные сгустки, как костры среди ночной пустыни. А там, вдалеке, искры жизни размазаны на широком светлом пространстве...

– Я видел берег, – раскрыл глаза правитель. – Он там, правее нашего курса, – Найл вытянул руку вперед. – Примерно в четырех пеших переходах. На корабле мы доберемся туда дня за два.

– А-а! – радостно закричали моряки, услышавшие его слова, а Назия, тяжело вздохнув, произнесла две заветные команды:

– Поднять парус. Рулевой, нос направо не торопясь.

* * *

Моряки настолько надеялись поскорее увидеть землю, что утром второго дня даже отправили одного из гребцов на макушку мачты, где он, оседлав поперечный брус, старательно вглядывался в горизонт.

Однако берег сообщил о своей близости сам: вскоре после полудня над кораблем появилось несколько чаек. Покружившись высоко в небе, птицы одна за другой спикировали судну за корму, и унеслись, сжимая в клювах мелких рыбешек.

Затем появились тощие синие стрекозы – эти долго маячили у самых бортов, явно надеясь на поживу, но, в отличие от желтых пустынных хищниц, отхватить человеку голову они не могли – ростом не вышли.

Потом на палубу стали садиться стремительные плотоядные черные мухи и их мелкие фруктовые собраты.

Когда впередсмотрящий крикнул: «Вижу землю!» уже никто не удивился. Моряки чувствовали – остались считанные километры.

* * *

Южный берег моря оказался на удивление негостеприимным: многометровые отвесные утесы, окаймленные острыми скалами, зловеще выглядывающими над поверхностью, рев волн, разбивающихся о камни, свист ветра. Назия не рискнула подходить к прячущим рифы бурунам ближе полукилометра, приказала спустить парус, и дальше вдоль полосы прибоя флагман двигался уже на веслах.

– Не может быть такого, чтобы у берегов не нашлось для нас хоть какой-нибудь бухты, – покачала головой. – Так просто не бывает. А пока красотами неизвестной земли людям приходилось любоваться на расстоянии.

Начиная с высоты пяти-шести метров на склонах начинала расти чахлая трава, которая чем выше, тем становилась гуще, а по самым макушкам скал сочно зеленели заросли кустарника.

Именно зелень в первую очередь приковывала взгляды людей. После многодневной диеты из соленой рыбы и подтухшей воды, они готовы были съесть даже ивовые прутья, не говоря уж о свежей листве или – если совсем повезет – спелых ягодах. Еще кустарники обожали им свежее мясо и хворост, а значит: огонь, горячую пищу, теплый ночлег.

Временами скалы расступались, показывая узкие проходы куда-то в глубь берега. Поначалу Назия морщилась, не желая протискиваться между каменных стен, но потом все-таки решилась:

– Нос направо сильно! Кирнук, встань к рулю, помоги Тигнаю. Оба борта вперед не торопясь – и-и-и-и, р-раз!

Корабль начал неторопливо поворачивать к каменной стене, в которой темнела вертикальная щель сверху и до самой воды. Найл коснулся сознания женщины, и понял, что заставило ее пойти на риск: вблизи от расселины не шипело ни одного буруна. Возможно, по странной прихоти природы, здесь отсутствовали рифы.

– Нос прямо! Оба борта – не торопясь! Нам спешить некуда...

Стена вырастала на глазах, и вот уже растерявший флотилию флагман кажется не огромным покорителем морей, а маленькой щепкой, прибитой волнами к берегу. Теперь Найл не опасался застрять в узкой расселине – вблизи обнаружилось, что ее ширина чуть ли не впятеро превышает ширину судна.

Последний удар в корму тяжелой морской волны – и они вкатились на зеркальную гладь запертой между базальтовых стен воды.

– Надеюсь, это не тупик, – пробормотал Найл.

– Не тупик... не тупик... не тупик... – откликнулось ущелье.

Поскрипывая оснасткой, корабль тихонько двигался вперед, постепенно замедляя ход.

– Оба борта один гребок...

– Гребок... гребок... гребок...

– И-и, р-раз!

– Раз... раз... раз...

Отзывчивое эхо постепенно затухло, и больше уже никто не решился произнести ни слова, пока стены не разошлись, образовав небольшой заливчик с абсолютно отвесными, идеально гладкими откосами.

– Как специально вырезали, – покачал головой Посланник.

– Нос направо спокойно, – заметила Назия очередную расселину. – Оба борта два гребка – и-и, раз; и-и, р-раз!

Разошедшиеся волны оглушительно громко зашлепали по стенам, судно нырнуло в новую узость, стены которой уходили наверх уже с отрицательным углом, почти смыкаясь в полусотне метров над головой. Создавалось ощущение, что проход обрушился много лет назад, но склоны уперлись друг в друга и замерли в состоянии неустойчивого равновесия. Полторы сотни метров природного тоннеля – и они оказались в широкой спокойной лагуне с идеально прозрачной водой.

У моряков создалось впечатление, что они парят в воздухе на высоте двух десятков метров, над густой пушистой растительностью, над камнями и полянами, поверх которых порхали темные продолговатые рыбки и несколько маленьких, от силы полуметровых жуков-плавунцов.

– Нос налево спокойно! Оба борта два гребка – и-и, раз; и-и, р-раз! Убрать весла! Причальные бруски за борт!

Казалось, хозяйку корабля ничуть не удивило, что слева от входа в лагуну вытянулся вдоль берега чистенький каменный причал с высокими бетонными кнехтами.

– Лохарь, с причальным канатом на нос, Чекай – на корму, – продолжала отдавать четкие распоряжения Назия. – Нос прямо. Нос направо не торопясь! Нос прямо. Лохарь, Чекай – приготовьтесь.

Судно медленно, очень медленно приближалось к ровной каменной платформе. Когда между ним и причалом оставалось около метра чистой воды, оба моряка одновременно выпрыгнули на «берег» – от толчка корабль остановился вовсе – и споро обмотали бетонные тумбы канатами.

Одиноким флагман резко натянул привязь, словно надеялся вырваться на волю, но сил в огромном корпусе больше не оставалось – и он покорно замер у причальной стены.

Еще несколько гребцов торопливо выскочили за борт и еще раз, более тщательно, натянули канаты и закрепили их на кнехтах.

Итак, первые люди высадились на южный берег Окраинного моря. Можно считать – море флотилия пересекла.

Моряки перебирались на причал, покачиваясь на непривычно твердой опоре. Сойти на землю они пока что не решались, скапливаясь у широкой плиты, переброшенной на скалистый берег.

Овальная лагуна около полукилометра в длину и двухсот метров в ширину лежала на дне горной котловины.

Местами склоны полого спускались к самой воде, местами над зеркальной гладью возвышались покрытые низкими вересковыми зарослями уступы. Напротив причала неширокий спуск ограждали две похожих, как братья-близнецы скалы, одна из которых стояла совершенно лысая – только коротенькие коричневые пеньки выступали из щелей, а вторая зеленела сочным кустарником. Сам склон покрывал густой ковер жесткой снежно-белой, с черными кончиками травы.

– Выходите! – послал Найл мысленный импульс затаившимся в трюме смертоносцам.

Двуногие братья, не дожидаясь приказа, сами перебирались на причал. И тоже неуверенно останавливались... Вокруг что-то было не так...

Тихая, спокойная котловина. Даже чересчур спокойная. Травка зеленеет, несколько стрекоз, рассевшись на острых кончиках скал, таращатся фасеточными глазами на пришельцев, в голубой вышине кружат, широко раскинув крылья, длинноклювые чайки.

Чего-то не хватало. Чего-то настолько естественного, что не него никогда не обращаешь внимания – а потому разум не воспринимает отсутствия, и только остро сосет под ложечкой от ощущения неведомой опасности.

– Мертво здесь как-то Посланник, – громко произнес, потеряв шрам на лице, Навул и поднял взведенный арбалет. – Никакого движения. Даже мухи не летают.

– Да, действительно, – мысленно согласился Найл. – Такая густая трава, и ни одной гусеницы, кузнечика, мошки или клопа. Наверняка или затаился в ней кто-то крупный, или она изрядно ядовита.

И, самое неприятное, плотная поросль перегораживала выход с причала.

– Может, попробовать? – поднял арбалет Навул.

– Не нужно, – покачал головой правитель. – Это поможет, если там один крупный скорпион сидит, или против сколопендры. А если гнездовые полосатых ос?

Представив себе атаку стаи быстрых злобных хищников, парень опустил оружие и попятился:

– Нам что, на другой берег высаживаться?

– Зачем же?.. – Посланник оглянулся на выбравшихся из трюма пауков. – Есть более эффективные способы.

В детстве, живя среди пустыни и прячась от восьмилпых охотников за дикими людьми, Найл не раз подвергался ударам волнами ужаса и по себе знал, насколько эффективны. Именно поэтому теперь он с готовностью использовал это оружие против своих врагов.

Распознав желание Посланник Богини, смертоносцы широко расставили лапы, вглядываясь в склон, и одновременно выбросили из себя вал беспричинного щемящего страха, граничащего с паникой. Страх, который не раз заставлял живые существа покидать самые надежные укрытия и, сломя голову, бросаться в бегство, выдавая себя безжалостным врагам.

Ковер белой травы дрогнул и... начал расползаться в стороны!

По красочной полянке пробегали живые волны, разрывающие его на куски, и несколько небольших лоскутков стали взбираться на высокие скалы, обнажая гранитные ступени вырубленной в склоне лестницы.

– Да это же гусеницы! – сообразил кто-то из гребцов и моряки кинулись назад на корабль за своими копьями.

Навул снова вскинул арбалет, и тут же опустил – тратить тяжелый болт на животное, которое можно нанизать просто на остро заточенный кол, ему было жалко.

Первыми дичь догнали смертоносцы, успевшие проголодаться за долгое путешествие. На этот раз в ход пошли парализующие удары воли, останавливающие задних насекомых, после чего пауки побежали вперед, чтобы вонзить хелицеры и впрыснуть яд. Но стоило самому быстрому склониться к гусенице, как сразу все восьмилпые содрогнулись от боли: прикосновение к белому ворсу обжигало, как к раскаленному железу.

По счастью, хитиновый панцирь защитил мягкие ткани от яда, и все ограничилось неприятными ощущениями – окажись на месте паука человек, он уже бился бы в предсмертных судорогах. Впрочем, моряки и не собирались брать опасных животных руками – расхватав гарпуны с зазубренными костяными наконечниками, они устроили одному из белых лоскутков настоящее побоище, упустив от силы десятков гусениц. Прочие стаи, сверкающие безупречной белизной, уже забыли про недавний страх и, не обращая внимания на творящееся рядом истребление, начали объедать кустарник с еще зеленой скалы.

Уходящие вверх ступени манили Посланника Богини, разжигали любопытство. Если причал и лестница сохранились почти в первозданном виде, то, возможно, наверху уцелело что-нибудь еще?

– Навул, – окликнул он юного воина. – Не смотри на гусениц голодными глазами, у тебя все равно копья нет. Пойдем лучше со мной. Нефтис, а ты возьми в каюте мою сулицу.

Стражница сбегала за оружием, и они, оставив остальных членов экспедиции разбираться с добычей, вдвоем стали подниматься по высоким ступенькам.

Первым шел Найл, ради такого случая одолживший у кого-то из воинов тяжелый круглый щит; сбоку, сжимая копьё двумя руками осторожно ступала Нефтис; а Навул отстав на несколько метров, держал наготове взведенный арбалет.

Первые полсотни метров лестница шла прямо, потом повернула под прямым углом и стала плавно огибать крутой склон горы. Посланник, не очень веря в возможность засады, на всякий случай вытащил меч – лучше заранее перестраховаться, чем потом считать дырки на своем теле или доживать последние дни в желудке скорпиона. Но даже ожидая в любой момент нападения из-за крутого изгиба стены, правитель не мог не обратить внимания на чистоту ступеней: они не заросли ни мхом, ни травой, на них не накопилась грязь, не опала увядшая листва. Ее явно убирали – регулярно и тщательно.

– Надо было не о копьях думать, а подарки с собой захватить, – покачал головой Найл. – Похоже, здесь кто-то живет. Негоже начинать знакомство с мечей и арбалетов.

– Еще неизвестно, чем встретят нас, мой господин, – откликнулась Нефтис. – Нам следовало взять с собой смертоносцев, чтобы узнать их намерения.

В способности правителя воспитанная пауками стражница верила слабо.

Лестница добралась до вершины скалистой возвышенности и превратилась в мощеную плитами дорожку, тянущуюся вдоль сложенного из красного кирпича забора.

Забор так же находился в прекрасном состоянии, а за ним зеленели кроны ухоженных вишневых деревьев. Еще несколько шагов – и путешественники оказались перед воротами. Точнее, перед каменными столбами, ограждающими гаревую дорожку, ведущую к двухэтажному особнячку, утонувшему в глубине сада.

Коттедж блестел чисто вымытыми стеклами, отливал глянцевой коричневой кровлей, вычурными резными перилами крыльца.

На миг Найл подумал, что находится внутри Белой Башни, и Стигмастер в качестве очередной загадки подкинул ему богатую виллу в стиле двадцать первого века. Правитель подошел к одному из столбов ворот, выгреб себе на ладонь рыжую пыль из небольшого углубления, и тут же сдул ее на дорожку:

– Ржавчина. Похоже, когда-то тут были вмурованы петли, но за тысячу лет они сгнили вместе с подвешенными на них створками.

– Что это, мой господин? – Нефтис указала на большие каменные головы, установленные поверх столбов. Помимо густых кудрей, головы украшали длинные витые рога.

– Похоже на Минотавра, – пожал плечами Найл. – Наверное, хозяин этого дома был поклонником искусства древней Эллады.

– А кто такой Минотавр?

– Говорят, жил в древности такой мужчина с бычьей головой и дурным характером.

– А кто такая Эллада?

– Далекая страна, лежит в южных морях, – Найл вложил меч в ножны. Входить в чужой дом с оружием в руках ему не хотелось. – Навул, отстань еще немного. Если на нас кто-нибудь нападет, можешь стрелять.

На Земле случается много чудес. Своими собственными глазами Найл видел уцелевшие с древних времен стальные инструменты, украшения, мебель, книги. Но ни при каких обстоятельствах он не поверил бы, что на протяжении тысячи лет брошенный на произвол судьбы газон может остаться стриженным, а гаревая дорожка – ровной и не заросшей.

– Здравствуйте хозяева! – громко произнес он, закидывая щит за спину. – Мы пришли к вам с миром!

Одновременно Посланник Богини послал в сторону дома несколько импульсов эмоции дружелюбия, немного выждал, а потом медленно двинулся вперед, готовый немедленно остановиться, если последует хоть какой-нибудь ответ.

Сразу за воротами, справа и слева стояли очень похожие скульптуры в полный рост: совершенно черный шагающий человек в набедренной повязке с головой собаки, а напротив него – с головой сокола...

– Анубис и Гор, – сразу узнал их Найл. – С Древним Египтом в этом доме тоже дружат.

Дорожка заворачивала за группу низких кипарисов, в тени которых стояла обязательная для любого любителя истории Афродита Милосская: туника сползла ниже бедер, а рук, способных подхватить одежду, нет уже три тысячи лет.

Дальше, вдоль высокой акации, выстроилось полтора десятка герм: любимых эллинами каменных столбов с человеческими головами. Однако куда эффектнее смотрелось тяжелое изваяние, стоящее в изгибе черной гравийной полосы: трехметровый бутовый баран, под подбородком которого начиналось человеческое лицо с тонкой длинной бородкой. Бог Амон собственной персоной.

Обитателем следующей ниши среди кустов оказался низенький бородатый толстяк в конусообразно шляпе, за ноги держащий перед собой на вытянутых руках маленького

тощего человечка. Больше всего он походил на Тора, скандинавского бога плодородия, вот только поведение для такой должности показалось Найлу весьма странным.

Нефтис отреагировала на незнакомых обитателей сада куда более эмоционально: она затаила дыхание, прижалась к самой спине правителя и нервно дергалась от каждого шороха, вскидывая перед собой копье.

Дорожка извернулась в другую сторону, обогнула показывающего нос веселого чертика с очень длинным хвостом, созданного никак не раньше двадцатого века, после чего повернулась к крыльцу, перед которым, в центре аляпистой цветочной клумбы, стояла высокая яшмовая ваза с декоративными ручками в виде головы сатира.

– Здравствуйте хозяева! – остановился Найл перед крыльцом. – Мы прибыли к вам с миром! Разрешите войти!

И опять в ответ – только шелест листвы и поскрипывание толстых стволов. Посланник Богини оглянулся на телохранительницу, пожал плечами и поднялся к дверям.

Зеркальные стекла отразили лицо молодого безусого паренька. Найл пригладил взлохмаченные волосы и нажал на пожелтевшую ручку, выточенную из натуральной кости.

– Есть кто-нибудь дома?! – крикнул он, уже не очень надеясь на ответ. – Навул, оставайся здесь, следи за обстановкой. Нефтис, за мной.

За дверью, в центре холла стоял, опершись на копье, серый обнаженный юноша в мягкой шапочке.

– Арей, сын Зевса и Геры, – узнал его Посланник. – Кто же с тебя, бог коварной, вероломной войны, пыль веков стер? Стоишь, как новенький...

Скульптура промолчала.

Найл прикрыл глаза, пытаясь ощутить страх спрятавшихся в каком-нибудь тайнике хозяев, но и на ментальном плане набитая историческими реликвиями вилла казалась необитаемой. Нервы правителя не выдержали: быстрым движением он перекинул со спины щит и выхватил клинок, насторожено поворачиваясь всем телом из стороны в сторону.

– Нефтис, ты заметила?

– Что, мой господин?

– В доме все стекла целы. Все до единого. А ведь он на берегу моря стоит, на него каждый месяц штормы-ураганы обрушиваются. Неужели за тысячу лет ни разу не разбивались?

Он повернул налево, толкнул легкую пластиковую створку и оказался на широкой, залитой ярким солнцем веранде.

Одну стену представляло собой толстое, почти двухсантиметровое стекло, другую – знаменитый мраморный барельеф Аттис и Кибелы, двух божественных любовников, один из которых покровительствовал плодородию, а другой – мазохизму.

Правитель постучал рукоятью меча по стеклу, покачал головой – да, такое так просто не разбить, затем вернулся в холл и толкнул другую дверь. Посланник и стражница попали в обширный, совершенно пустой зал, украшенный только узким балконом, идущим по стене напротив окна. Найл не поленился дойти до проема в дальнем углу и обнаружил там выложенный цветным кафелем туалет с витражным стеклом.

Здесь так же уцелело все, кроме кранов – вместо них в отверстиях раковин торчали деревянные копии. Не веря своим глазам, правитель попытался покрутить любовно оструганный вентиль, но тот не поддавался.

– По крайней мере, мы не провалились в прошлое, – сделал вывод Посланник Богини, подняв глаза к своему отражению во вмурованном в стену зеркале.

Третья дверь холла вела в подсобные помещения – на кухню, а из нее в кладовые и погреб. Здесь вся обстановка сгнила, и назначение помещения выдавали только растрескавшаяся раковина, обширные вентиляционные окна и прямоугольный фундамент плиты.

В погреб правитель спускаться не стал – подобные уютные, тенистые и прохладные укрытия очень любят жужулицы и сколопендры.

Последняя дверь холла выходила во внутренний дворик: прямоугольный, с земляным полом и застекленной крышей. Вдоль стен стояли пластмассовые кадки для цветов – и в них росли живые кактусы!..

Еще несколько цветочных ромбов источали ароматы прямо на земле. В центре дворика чернел журнальный стол, вокруг которого в живописном беспорядке расступилось несколько стульев. На столе лежали знаменитые золотая голова Зевса и мраморная – Сераписа. Скорее всего – копии. В нише под ведущей на второй этаж лестницей стоял мощный панорамный телевизор. Черный пластиковый корпус, стеклянный экран – что ему за тысячу лет сделается?

– Такое ощущение, – задумчиво потер нос Найл, убирая меч, – что хозяин на минутку выглянул в сад, а служанка только что закончила уборку. Ладно, я на второй этаж поднимусь, а ты тут оглядись, выбери место для ночлега. Думаю, после морского путешествия братья по плоти с удовольствием отдохнут пару дней под крышей.

Посланника не очень удивило, когда первый лестничный пролет привел его к стене с выдолбленными на ней стилизованным драконом и коротким копьем, сильно смахивающим на фаллос – символами Мардука, бога-покровителя Вавилона, а вот витраж с обнаженной красоткой, подсвечивающий длинный коридор желтым полумраком, показался в этом доме-музее по меньшей мере неуместным. Или это тоже знаковое произведение искусства некоей цивилизации?

В конце коридора стоял плечистый мужчина, держа в одной руке улыбающуюся голову, а в другой – длинное гусиное перо. Найл подошел к нему, потрогал мягкую, теплую кожу и нервно передернул плечами: даже зная о существовании специальной скульптурной пластмассы, он не мог отделаться от ощущения, что монумент живой.

– Пожалуй, у предков не всегда хватало чувства меры, – сделал вывод правитель и нажал на ручку ближайшей двери.

В углу небольшой комнатки лежали монитор, системный блок, клавиатура и манипулятор. Наверное, когда-то там стоял стол, но не выдержал испытания временем, а вот компьютер казался совершенно исправным и готовым к работе – даже штекер оставался воткнутым в розетку.

Вот только проводка в стене наверняка давно рассыпалась в прах, а ближайшая электростанция стала прибежищем любящих тепло тарантулов и горных пчел.

Найл развернулся и толкнул дверь напротив. Легкая створка легко и просто рухнула внутрь комнаты, всю обстановку которой составляла яркая глянцевая открытка с голой девушкой, лежащая на сером бетонном полу.

Правитель пошел по коридору к следующей двери, взялся за ручку, нажал. Ручка с легким скрипом поддалась, створка повернулась на отчаянно визжащих петлях – и Найл увидел сваленную в углу груды человеческих черепов, сверкающих белыми крепкими зубами. Он попятился, наткнулся спиной на дверь напротив, повернулся и пнул ее ногой – черепа заполняли комнату целиком, оставляя только небольшое пространство под потолком – Посланник! Посланник! – испуганный крик Нефтис заставил его сорваться с места, кубарем скатиться с лестницы и стремглав промчаться через череду открытых дверей.

– Что случилось?!

Стражница ткнула пальцем себе под ноги. Там, на дне чистого, ухоженного бассейна лежал, тараща в небо открытые глаза, смуглый пятиметровый человек, сжимающий в руках символы королевской власти.

– Ф-фу, – с облегчением выдохнул Найл. – Ну чего ты так испугалась? Это же Рамсес второй, колосс из Мемфиса. Точнее, пародия на него: настоящий без ноги, в набедрен-

ной повязке и с вытянутыми руками. Просто египтяне показывали его туристам примерно в таком же бассейне. Наверное, хозяин виллы решил пошутить.

– Что случилось?! – Навул опоздал всего на несколько секунд.

– Да вот, – кивнул на бассейн правитель. – Утопленника увидела.

– Ого! – великан произвел на парня не меньшее впечатление, чем на стражницу.

А Посланник Богини прошел по чистому шершавому кафелю к тонким пластиковым перилам, ограждающим сочную высокую траву, оперся на них и взгляделся в даль. Отсюда, от рукотворного маленького прудика, открывался вид на море, на его бескрайний простор, заштрихованный кажущимися с такой высоты совсем махонькими волнами.

– Как считаешь, Навул, – поинтересовался правитель. – Здесь лучше ночевать, или внизу? – Конечно здесь! Пусть ребята посмотрят.

– Тогда нам пора возвращаться, – усмехнулся Найл. – Что-то жареным запахло, как бы все мясо без нас не съели.

* * *

Разведя пару костров перед самым причалом, люди сперва вертели тяжелых мохнатых гусениц над пламенем, сжигая ядовитый ворс, затем разделявали на ломти и запекали белое сочное мясо. После многодневной рыбной диеты горячее жаркое казалось верхом кулинарного совершенства, и двуногие объедались до полного одурения. Смертоносцам не повезло – мертвечины они не ели, а прикоснуться к ядовитым гусеницам, не убив их и не опалив, было невозможно. Пауки побегали по окрестным скалам в поисках другой добычи, но горная впадина казалась совершенно вымершей.

– Ты когда-нибудь видела дома, в которых жили люди до появления пауков? – поинтересовался Найл у Назии.

– Весь город, Посланник, – не поняла вопроса женщина.

– Нет, город, это место, где люди работали. А здесь, на вершине, стоит дом, в котором люди жили, – повысил голос правитель. – Я думаю, пару дней нам можно отдохнуть. И провести эти дни лучше всего в настоящем человеческом доме.

Больше всего воинам и морякам хотелось сейчас лечь кверху брюхом и заснуть, но любопытство хорошо умеет разъедать слабые души – особенно, когда вокруг только жесткие камни, на которых особо не поваляешься.

– Пойдем, тебе будет интересно, – кивнул морячке Найл, вставая на ноги. – Мы переносим лагерь наверх.

Вскоре нестройная колонна двуногих вперемежку с пауками и жуками-бомбардирами двинулась наверх. На судне, на случай возникновения опасности, осталось только трое дежурных моряков и корабельный смертоносец.

Самую большую радость раскинувшийся возле виллы обширный сад вызвал у жуков. Шестилапые немедленно расползлись поедать молодые побеги кустарника, вишневые веточки и свежую траву.

Люди же с изумлением разглядывали стоящие вдоль дорожки изваяния – и моряки, и братья по плоти увидели скульптуры впервые в своей жизни.

– Что это, Посланник Богини? – попытался уяснить смысл странных предметов один из смертоносцев.

– Дело в том, любопытный ты мой, – усмехнулся Найл, – что древние люди верили в существование Богов не меньше, чем все мы верим в существование Великой Богини Дельты. Но им, в отличие от нас, было мало знать об их существовании. Они хотели видеть своих Богов. И люди начали вырезать Богов из дерева, вырубать из камня, отливать из металла.

Братья по плоти начали скапливаться вокруг правителя. Все они знали о таланте шивада, рассказчика, ценимого в любом разумном существе даже смертоносцами. Живущие в реальном мире, признающие только факты, восьмиллапые тем не менее ценили редкостную возможность прикоснуться к чему-то новому, неизведанному.

В свое время именно талант шивада, а не благословение Богини заставил призванного из мира мертвых Хеба Великого признать Найла равным себе и достойным разговора, именно его искусство рассказчика заставило родившихся в Дельте подростков ощутить свою принадлежность к предыдущим поколениям и побудило проливать кровь в сражениях с Магом или при освобождении города пауков от северян. Теперь все они предвкушали возможность вновь увидеть далекое прошлое глазами Посланника.

– Вы видите это существо с телом человека и головой шакала? – ни шакалы, ни собаки прилета кометы Опик не пережили, но братья по плоти могли прямо сейчас рассмотреть острую зубастую морду, круглые глаза и острые уши на скульптуре. – Это Анубис, бог-хранитель мертвых. Именно в его владения попадает энергетика умерших разумных существ.

Найл с удивлением заметил, что его слова падают в неожиданно благодатную почву. Ведь смертоносцы знали, что многие великие правители и воители прошлого хранятся в тайниках под Черной Башней. Тела многих из них истлели, но если напитать их живой энергией, душа возвращается, и с предком можно говорить, узнавая его мнение по сложным вопросам или используя его воспоминания.

Только теперь они начали получать представление о том, где находятся знания и память мертвых и почему ее можно иногда возвращать назад: благодаря Анубису.

Походи он на нормального человека – восьмиллапые ни за что не признали бы в нем божественного начала, а вот с головой неведомого существа – другое дело.

– А это бог Гор, – указал правитель в противоположную сторону. – Он каждый день катается по небу на круглой лодке настолько яркой, что на ней ничего разглядеть невозможно. На ночь он ложиться спать, и наступает тьма.

О причинах смены дня и ночи братья по плоти не задумывались никогда, воспринимая ее как данность. Объяснение Посланник Богини показалось им весьма правдоподобным и естественным.

– Назия, взгляни в ту нишу среди кустарника. Это Афродита. Говорят, она родилась из морской пены и с тех пор повелевает морями и покровительствует любви... – Поскольку Нептуна на вилле не имелось, Найл решил, что про старика лучше не упоминать.

И опять верования древних попали в самую точку: по заведенному еще Смертоносцем-Повелителем обычаю, командовать на кораблях имели право только женщины. Для всех показалось естественным, что и морями распоряжается дама.

Про любовь никто из бывших слуг и рабов не слышал ничего, но вот право любой надсмотрщицы, хозяйки, стражницы брезговать мужчиной или вознаграждать его своим телом казалось простым и естественным. Стало быть, и покровительствовать таким чувствам должна морская хозяйка.

– А почему она без рук, Посланник?

– Скульптор не знал, каким образом ей удастся вздымать волны и веять ветрами, – нашелся Найл, – а потому и не решился изобразить обычные руки.

– А это кто? – позвали правителя к человечку в остроконечном колпаке.

– Это Тор, покровитель земледелия и повелитель гроз и дождей. Он северянин, жары не любит.

– Так вот почему в Южных песках так мало дождей? – догадался кто-то.

– Может быть, – не стал спорить Найл. – А вот это гермы. Только не надо думать, что кто-то отрубал людям головы и насаживал их на колья. Это лица людей, прославившихся при жизни. Современники хотели, чтобы их потомки могли увидеть лики великих.

Посланник Богини шел вперед, показывал, объяснял и не без трепета наблюдал, как прямо на его глазах начинает появляться новая религия его народа – основанная на вере Древнего Египта с сильной примесью эллинизма.

Однако бог Гор довел свою сияющую ладью до линии горизонта и отправился спать. Стали готовиться к ночлегу и путешественники.

В качестве временного пристанища они выбрали веранду: всех забавляла парадоксальное сочетание полной защищенности от прохлады и непогоды с возможностью спокойно смотреть на окружающий мир.

Но этот мир очень быстро утонул во мраке, и путники вместе с ним погрузились в мир снов.

* * *

– Иди сюда! – удивленный Найл поднялся, подобрал копье, пошел к двери. Сбоку точно так же торопились по стене смертоносцы. – Иди сюда! Скорее, скорее!

Посланник взялся за ручку двери, помедлил, оглянулся.

Все люди спали. Спокойно, безмятежно. Посапывала на боку Нефтис, раскинул руки Навул, свернулась калачиком Калла. Они ничего не слышали, никуда не торопились. И это показалось правителю странным.

– Иди сюда! – нужно было идти, и как можно скорее, но разум Посланник Богини бунтовал, требуя объяснить ему причину ночного похода.

– Куда мы идем? – обратился Найл к смертоносцам, и тут же понял, что они и сами не знают.

– Нас зовут, зовут... – восьмилетние не понимали, что влечет их и куда. Более того – они сами чувствовали странность такого стремления, опасались его, но... Ничего не могли с собой поделать: – Нас зовут.

– Э-э, нет, так дело не пойдет, – принял решение правитель и решительно подпер дверь своим копьем. – Никуда вы отсюда не выйдете!

– Нас зовут, зовут, – продолжали пауки тыкаться в запертые двери, но попытки оттолкнуть правителя или убрать копье не предпринимали. Похоже, они не желали покидать дома, принимая возникшее препятствие с облегчением – но самостоятельно таинственному зову противостоять не могли.

Все прекратилось так же внезапно, как и началось. Пауки, словно оборвав невидимую нить, разбежались в стороны и замерли.

Посланник, пожав плечами, несколько раз нажал на древко, чтобы надежно закрепить дверь в запертом состоянии, потом вернулся к безмятежно спящей стражнице и вытянулся рядом.

* * *

Жаркие утренние лучи, пробив толстое стекло, моментально прогрели веранду, и ото-спавшиеся путешественники начали подниматься. Всем тут же нашлась работа: моряки пошли собирать хворост и дрова, воины – отправились вниз охотиться на гусениц.

Смертоносцы, слегка ошарашенные ночным происшествием, побежали в разные стороны искать насекомых: паукам тоже хотелось утолить голод. Ну а Найл, пользуясь правом правителя иногда побездельничать, решил прогуляться по саду. Авось еще какие античные скульптуры найдутся.

Гуляя по вымощенным битым кирпичом тропинкам, Посланник не переставал поражаться странному сочетанию аккуратно подстриженных кипарисов, шиповника и акаций,

чистеньких крон вишен с бестолково заросшими клумбами, разнопородные цветы на которых смешивались без всякого смысла или сочетания расцветок.

– Посмотрите сюда, мой господин, – окликнула его телохранительница, указывая на одинокую вишню, окруженную низким плотным вереском.

– Что там, Нефтис?

– Жуки объели дерево только с одной стороны, мой господин.

– Ну и что? Потом доедят.

– А где они?

И правда, где? Найл огляделся. Двое крупных, отливающих сочным глянцем надкрылий жуков-бомбардиров не могли затеряться среди травы или спрятаться в кустах – чай, не кролики какие-нибудь.

– Жуки, отзовитесь! – послал правитель мысленный вызов, не особо надеясь на ответ, а потом приказал всем паукам возвращаться на виллу. – Нефтис, беги за братьями. Они нужны мне здесь.

Привыкшие к дисциплине смертоносцы сбежались на поляну за несколько минут, замерев в ожидании приказов.

– Вы помните, откуда шел ночной зов? – спросил он, глядя на Любопытного: паука, проявившего вчера интерес к человеческой культуре.

Пауки, правда, не очень уверенно, указали в сторону бухты.

– Мне кажется, на ночной зов откликнулись жуки-бомбардиры. Они исчезли. Я хочу, чтобы вы рассыпались в широкую цепь и пошли в том же направлении, в каком могли пропасть наши союзники. Постарайтесь найти их самих, или, хотя бы, их следы. Сейчас сюда подойдут двуногие воины, и я прикажу им прикрывать вас сзади.

Последний приказ оказалось проще отдать, чем исполнить: виллу окружали крутые склоны, и если восьмиллапые без труда бегали даже по отвесным стенам, то люди подобными способностями не обладали.

Отряд Навула спускался следом за пауками сколько мог, но в конце концов застрял. Пришлось делить его надвое – одна группа следила за безопасностью сверху, а вторая обходила крутизну по тропинке и поджидала внизу. Время от времени, по мере спуска, смертоносцам приходилось останавливаться, и ждать, пока спустятся оставшиеся наверху люди.

Это здорово тормозило поиски, но оставлять хоть одного из подчиненных без прикрытия арбалетчиков Найл не хотел.

До лагуны они спускались почти два часа, не обнаружив никаких следов пропавших шестиллапых. За это время моряки успели забить и запечь на углях нескольких гусениц. Люди поели, а смертоносцам опять пришлось голодными взглядами провожать ныряющих в бухте плавунцов.

– Посланник! – подбежала запыхавшаяся Назия. – Мои моряки исчезли!

– Как исчезли? – удивление Найла показалось ему самому несколько наигранным – чего-то подобного он ожидал.

– Я послала двух гребцов отнести им печеную гусеницу... – морячка перевела дух. – Они вернулись, и сказали, что корабль пуст... Я не поверила... Но на судне действительно никого нет: ни смертоносца, ни мужчин.

– Следы какие-нибудь остались?

– Ничего, – покачала головой женщина. – Совершенно ничего. Они даже гарпуны не взяли.

– Странно... – прикусил губу Найл. Если пропажу паука можно объяснить таинственным зовом, то куда сгинули люди? Ведь на вилле никто из двуногих даже не проснулся! Себя правитель в расчет не брал – его ментальные способности мало отличались от способностей

насекомых. – Придется прочесать берег. Люди не пауки, на скалы забраться не могут. Они наверняка где-то внизу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.